

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

РАБ ИЗ НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

КНИГА ВТОРАЯ

ШАГНУТЬ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

ЭКСМО

Юрий Иванович
Шагнуть в неизвестность
Серия «Магия – наше будущее»
Серия «Раб из нашего
времени», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3307945

*Раб из нашего времени. Кн. 2 : Шагнуть в неизвестность / Юрий
Иванович: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46121-9*

Аннотация

Мир Трех Щитов, опасностей которого с таким трудом удалось избежать Борису Ивляеву во время его последнего визита туда, вновь преподносит неожиданные «подарки» открывателю дороги между мирами. На этот раз к помощи зывают подруги нашего путешественника, отправившиеся по его следам в иномирье. И вот, прихватив с собой двух верных товарищей, Борис спешит на спасение попавших в беду подруг. Но законы перехода непредсказуемы, друзья оказываются далеко друг от друга, и, чтобы осуществить свою миссию, они вынуждены не расставаться с оружием, прокладывая себе дорогу среди полчищ кровожадных чудовищ.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	10
Глава вторая	31
Глава третья	47
Глава четвертая	67
Глава пятая	85
Глава шестая	93
Глава седьмая	106
Глава восьмая	131
Глава девятая	139
Глава десятая	147
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Юрий Иванович

Шагнуть в неизвестность

Пролог

Император зроаков, тяжело ступая по мраморным плитам, обходил длинный ряд открытых гробов. Грохот его кованых сапог, казалось, раздавался на весь мир и сотрясал стены древней крепости. Но вот и он стих. Опечаленный отец замер возле последнего гроба, где лежал его родной сын. Не самый любимый, как было общеизвестно. И не первый наследник, а только седьмой по праву крови. Зато самый знаменитый по беспощадности к врагам империи Гадуни. Да и много чего самый, самый, самый.

Но суть от этого не менялась: кощунственное убийство свершилось и уже никто не вернет великого и сильного воина к жизни. А раз нельзя оживить, то остается только одно – мстить! Причем мстить так, чтобы от одного воспоминания об этом подлые людишки сжимались и накладывали в штаны от страха. И займутся местью смертники. То есть все те, кто остался живым в крепости Дефосс, все те, кто допустил своей преступной леностью и невниманием гибель седьмого принца.

Так и продолжая стоять в полной тишине возле тела сына,

император в последний раз задумался перед выбором. Многие его советники советовали показательно казнить всех ротозеев, не сумевших удержать пленников и допустивших гибель владельца крепости Дефосс. Но в то же самое время повелитель зроаков лучше всех остальных понимал нежелательность такой меры, полную ее бессмысленность. Сбежать или спрятаться на просторах остального мира проштрафившиеся воины и обладатели щитов не смогут, а значит, им в любом случае придется охотиться за мясом и вести регулярные его поставки в столицу денно и ночью. При этом они сделают сразу четыре полезных дела для империи Гадуни: спасут свои жизни, нагонят страху на людей, своими непрекращающимися рейдами заставят опасаться подобного режима существования остальных зроаков и обеспечат кухни королевского дворца ценным полуфабрикатом.

Придя к подобному итогу своих размышлений, император пошевелился, сбрасывая оцепенение, посмотрел по сторонам траурно украшенного зала и двинулся в другой зал, где уже ждали своей участи выжившие при побеге пленников защитники крепости. Все-таки очень хотелось узнать из первых уст все подробности немислимого побега и сделать все возможное, чтобы подобное впредь не повторялось.

В небольшой комнате для допросов самого именитого зроака уже ждали небольшой трон и почтительно согнувшийся министр внутренней полиции.

– Ваше императорское величество! У нас все готово к по-

следнему допросу и последующей казни.

– Давайте сюда всех старших! – приказал король, усаживаясь на трон.

Затем с полным внешне равнодушием стал ощипывать ягоды с огромной виноградной грозди, рассматривая, как палачи проворно поволокли закованных в цепи арестантов. Эти трое оставались самыми главными командирами в крепости после погибшего принца и его ближайших помощников.

Начальник внутренних караулов, первый заместитель коменданта и главный управляющий всей крепости. Последний являлся и обладателем трех щитов, так что вокруг него находилось сразу четверо его коллег, блокируя заранее любую попытку нанести волшебной силой вред не только своему сюзеру или тюремщикам, но и самому себе. Считалось более предпочтительным самому удавиться, чем отправиться на казнь по высочайшему имперскому указу.

Обладатель щитов был пожилым ветераном, невероятно опытным и довольно знаменитым зрарком. Даже сам император его знал лично. Поэтому и стал говорить только с ним, игнорируя остальных коленопреклоненных воинов:

– Как же так, Заррабга? Как такой опытный управляющий мог допустить такую трагедию?

Украшенный наколками трех щитов лоб арестанта сморщился от тяжких, покаянных терзаний.

– Нет мне прощения, о мой повелитель! И жду от тебя

любой кары только как блага избавления от моей никчемной жизни.

– Верно, что благо. Лучше умереть под орудиями пыток моих палачей, чем мучиться подобными укорами совести.

– Я готов, о мой повелитель!

– Не сомневаюсь, – вполне сочувственным тоном буркнул король. Но тут же нахмурился. – А теперь коротко расскажи, кто виноват и как это все произошло.

– Во всем – только моя вина! – бесстрашно заявил Заррабга. – Вначале я не обыскал маленького пленника, которого кречи принесли, приняв за ребенка. А у этого уродца оказалось нечто, благодаря чему он сумел разорвать или проломить один из прутьев оградительной решетки. Затем это мелкое отродье проскользнуло в щель, прокралось в оружейную и подло, скорее всего набросившись со спины, убило старика Сагида, прославленного наставника.

– Как именно?! – заскрипел зубами король зроаков. Он и сам когда-то обучался владению оружием под наставничеством опытного ветерана Сагида.

– Тонким коротким лезвием в висок, более десяти ударов. – Управляющий сделал паузу и, не дождавшись новых вопросов, продолжил: – Дальше пленники выломали второй прут и всем скопом пробрались в оружейную. Оделись в броню и одним ударом покончили с четырьмя воинами в малой караульной. После чего они надели шлемы и доспехи. Дальше они повели себя еще более странно и нагло. Вместо того

чтобы поспешно, скрытно покинуть крепость, они отправились к пиршественному залу, где убрали охрану с верхнего яруса, перебили поваров и пустили ядовитый воздух прямо в зал.

– И ты ничего не почувствовал?

– Ничего, о мой повелитель! Этот яд совершенно новый и мне неизвестный. Я преспокойно разговаривал с одним из гостей принца, когда увидел, как тот стал синеть и заваливаться на спину. Вначале показалось, что от перепоя, но мы ведь с ним почти не пили! Да тут и я сам стал задыхаться, только и успев ввести свое тело в режим экономного дыхания. Поэтому и спасся. Ядовитый воздух оказался настолько силен, что даже некоторые стоявшие снаружи рыцари от него пострадали после открытия дверей. Во время расследования мы отыскивали маленькие цилиндрики, в которых и хранилось до того ядовитое вещество. Опять-таки, скорее всего, цилиндрики имел при себе тот самый недоросток.

Император только сейчас заметил в руке раздавленные остатки винограда и с раздражением отбросил их в сторону.

– Все равно не могу понять, каким образом гарнизон не сумел справиться с семью пленниками!

– Ваше величество, половина воинов до сих пор отсутствует, – напомнил Заррабга. – По приказу принца они отправились в Трилистье за новым мясом. Ну и внушительная часть оказалась подтравлена вырвавшимся из банкетного зала облаком газа. Остальных пленники сдерживали гра-

дом стрел, которых у них имелось с избытком. Потом они захватили лучших коней, подожгли конюшню и вшестером сразу ушли в отрыв от мизерной погони.

– Вот именно! Вшестером! – рывкнул император. – А куда седьмой делся?

– Тот самый недоросток словно сквозь землю провалился. И у нас есть подозрения, что он до сих пор в замке! – После такого заявления, Заррабга не отвел взгляд, продолжая преданно смотреть на лютующего властелина. – По всем данным, он просто физически не мог выбраться из случайной ловушки, хотя и пытался это сделать.

Император Гадуни стал бледнеть.

– Уж не хочешь ли ты сказать?..

– Да, ваше величество, хочу! Либо он двуличный демон из легендарного мира Гаузов, либо он владеет секретами вашего великого предка о перемещениях сквозь стены и расстояния.

Долго думал император зроаков. Потом встал и огласил свою волю:

– Отныне вы все – бессменные поставщики мяса. Никакого отдыха или праздника. И прощение вам будет даровано лишь после доставки мне живым этого самого недоростка. Ищите его, где хотите, но он должен оказаться на допросном столе в моем замке. Другого вам не дано! Я все сказал!

Глава первая

Три неожиданные гости

Огромный Рушатрон, столичный город империи Моррейди, самого большого государства мира Трех Щитов, жил своими размеренными, привычными заботами. Как раз приближалось обеденное время, поэтому водовороты жителей и гостей города, его транспортные потоки закружились, понеслись с удвоенной скоростью, пытаясь успеть, догнать, завершить, доставить и приготовить. На переполненные улицы хлынула волна продавцов съестного. Чем они только ни торговали: сладостями и фруктами, горячим мясом и пирожками, прохладительными напитками. Призывные крики этих торговцев-лоточников купить именно у них самое вкусное, горячее и восхитительное достигли того самого апогея, про который всегда выражались одинаково: «Рушатрон очень проголодался!»

Тогда как во внутренностях Сияющего кургана, самого великого Пантеона, доставшегося людям от божественных предков, ажиотаж, наоборот, стал спадать. Каждый посетитель выискивал для себя удобное место, старался расположиться с наибольшим комфортом в окружении своих знакомых или попутчиков и приступал к обеду. Разница в пище или в напитках порой была огромная, но это не мешало

перекидываться фразами, а то и обмениваться впечатлениями даже тем визитерам Пантеона, которые, судя по одеж-дам или оружию, стояли на самых разных ступеньках соци-ального уровня жизни. В Сияющем кургане все были рав-ны. Что столичные жители, что далекие паломники с самых окраин империи поморов, что весьма импозантные, но то-же частенько встречающиеся гости из дальних стран и даже континентов.

Вот, пожалуй, лишь из-за этих гостей издалека и продол-жали прохаживаться по залам и наиболее широким перехо-дам хранители Пантеона. О жителях своей империи они не слишком-то и беспокоились, те местные традиции знают и чтут свято. А вот приезжие иногда ведут себя словно дети малые, впервые увидевшие вожаделенные игрушки и поже-лавшие отломить для себя хоть маленький кусочек от этих игрушек. Даже предупрежденные о бесполезности такого за-нятия, а то и опасности для собственного здоровья, они все равно с маниакальной настойчивостью продолжали попытки то играющий цветом камень скovyрнуть, то уникальные сту-пени для сидения на прочность опробовать. Благо что мечи и кинжалы, несмотря на святость данного места для каждо-го человека, имелись у каждого. Историческая, так сказать, необходимость.

Старший хранитель Круст из рода Имлов уже завершал свой привычный кольцевой маршрут, когда его внимание привлекли два парня, бурно что-то обсуждающие на нижних

ступенях одного из залов. По отсутствию багажа они сразу определялись как столичные жители, а вот по громкому говору несколько выпадали из четких определений. И только подойдя ближе, Круст рассмотрел окровавленное лицо одного из парней, попытки второго парня утереть кровь платком, смоченным водой, и хорошо расслышал каждое слово из диалога. Причем окровавленный парень продолжал злиться и рваться бой:

– Я обязательно дождусь, пока они выйдут из Пантеона, и порубаю их на кусочки!

Тогда как его более рассудительный товарищ сдерживал и успокаивал:

– Тебе мало досталось? Ведь сразу было понятно, не хотят они с тобой общаться. Никак не хотят!

– Не хотят, да и ладно! Но на вежливые вопросы и отвечать надо вежливо, а не жестами отмахиваться, словно от мухи какой-то. За такое надо руки поломать!

– Ага! Уже попробовал? И что получилось? Молниеносный удар, и твой нос всмятку. Так что не ерепенься.

– Вот если бы ты помог...

– ...тоже кровью бы умылся! – слитно завершил фразу более рассудительный товарищ. – Почему-то уверен, она тебя и бить сильно не хотела, а две другие так вообще в твою сторону не шелохнулись.

Его приятеля такие выводы еще больше распалили.

– Ничего! Снаружи я с ними совсем иначе поговорю!

– Неужели вызовешь молодых женщин на поединок?

– Запросто!

– Хм. А вдруг они вашшуны? Там ведь полумрак, медалионы мы могли и не увидеть.

Вот только это последнее предположение заставило вытирающего кровь парня задуматься, застыть в сомнении и отвести взгляд в сторону. И тут же наткнуться на встречный взгляд хранителя, который стоял рядом и внимательно ко всему прислушивался. Причем местный страж порядка с широким золотистым обручем на голове, когда понял, что его заметили, весьма строго и требовательно спросил:

– С кем это вы повздорили и по какому поводу?

Оба парня насупились и некоторое время молчали, явно сожалея о своей невнимательности и слишком громком разговоре. Потом более рассудительный попытался миролюбиво улыбнуться:

– Ничего страшного, просто маленькое недоразумение. Нечаянно столкнулись с другими посетителями в узком коридоре. Чего не бывает!

Но Круст вознамерился выяснить все подробности инцидента до самого конца.

– Только драк в Сияющем кургане не хватало! Знаете, что вам грозит наказание?

– Как раз нашей вины нет! – обозлился парень с разбитым носом. – Мы прогуливались вон по тому коридору и заметили трех девушек примерно нашего возраста. Скорее всего,

дикарки из непроглядных далей, потому что говорили между собой совсем уж непонятно, хоть и громко, и с каким-то жутким, незнакомым выговором. Кажется, они сильно ругались на кого-то. Я и поинтересовался вполне вежливо, не заблудились ли они. Крайняя девица весьма грубыми жестами дала мне понять, чтобы я убирался. Так даже слугами не помыкают. А когда я заметил ей, что следует поучиться хорошим манерам, просто метнулась ко мне и ударила в лицо. За что, спрашивается?

– Ты хочешь подать официальную жалобу? – ледяным, официальным голосом задал вопрос хранитель.

Но когда пострадавший собрался отвечать положительно, его товарищ закрыл ему рот одной рукой, второй пребольно ущипнул за шею и твердо возразил:

– Никаких жалоб! Инцидент этого не стоит.

– Ладно, тогда я пойду гляну на тех девиц, – уже совсем иным, приветливым тоном проворчал Круст, разворачиваясь. А затем довольно резво поспешил в тот самый проход, на который указал пострадавший.

Рассудительный парень пригнулся к своему товарищу и яростно зашептал:

– Нам только несколько часов потратить на твою жалобу не хватает! И еще не факт, что после разбирательств признают вину этих девчонок. Скорее именно тебя и высмеют.

– Ничего, ничего. Мне почему-то кажется, что с той троицей и старший хранитель не справится. Так что посидим

здесь еще немного и посмотрим, чем их встреча закончится.

Тогда как местный страж порядка уже юркнул в более тускло освещенный створ прохода. И сразу на изгибе тоннеля заметил несколько странное шевеление. Вернее, стоящая лицом к залу девушка не двигалась, а вот за ее спиной просматривались некие вспышки, проблески света. Причем они сразу же прекратились, словно кто-то по сигналу оставил попытки осветить на стену или рассмотреть что-то на полу.

Разводить открытый огонь в Пантеоне воспрещалось категорически. Но запаха дыма не чувствовалось. Использовать здесь переносной люмен – дело практически неосуществимое. Поэтому Круст мысленно разгадал, как ему показалось, загадку: «Зеркалами балуются!» Некоторые дети так делали: направляя свет из ярко освещенных залов с переливами радуг на сводах в менее освещенные ответвления лабиринтов.

Но подойдя ближе и рассмотрев всех трех девушек, сразу отбросил мысли про детские забавы. Слишком взрослыми, серьезными и напряженными показались паломницы. Причем ни единого сомнения не возникло, что красавицы издалека. Одеты, словно в дальний поход, увешаны оружием, да еще и поверх всего прикрыты просторными плащами. Под наружной стеной поворота тоннеля стоят три заплечных мешка, пошитых весьма оригинальным способом. Даже удивляло: зачем с таким количеством багажа сразу переться в Сияющий курган? Не лучше оставить вещи в любой попав-

шейся пейчере? Или в более солидной гостинице оставить эти неподъемные даже на вид рюкзаки на хранение.

То что девушки красивы, а две из них очень похожи между собой, хранителю сразу бросилось в глаза. Ведь дарованному Пантеоном зрению полумрак – не помеха. Так что желание одного из парней поговорить с такими симпатиями вполне естественно. Но то же самое зрение позволило старому ветерану рассмотреть и массу отличительных деталей, которые ему уже однажды довелось увидеть. Как в одежде, так и рюкзаках.

Одна девушка так и продолжала подпирать плечом стенку, а вот обе ее подруги уселись под стеной и с напряжением ждали, пока явно помешавший им человек пройдет по тоннелю дальше. Но прерывистое, учащенное дыхание, блестящие глаза и слишком озабоченное выражение лиц сразу намекало на некую неадекватность происходящего здесь события.

Поэтому Круст только сделал вид, что идет спокойно дальше. Вместо этого, пройдя мимо троицы пару метров, резко остановился, отступил к стене и спросил:

– Может, вы и в самом деле заблудились?

Паломницы переглянулись между собой, так ничего и не ответив. Разве что обе сидящие легко встали на ноги и тоже замерли, словно приготовившись не к разговору, а к бою. После такого неожиданного сравнения ветеран последней войны со зроаками не только мысленно, но и внешне улыбнулся

и постарался говорить наиболее приветливо и успокоительно:

– В любом случае не стоит стесняться и лучше сразу обратиться к нам. Как законные хранители Сияющего кургана, мы обязаны помочь любому посетителю в любом вопросе. В том числе если вас кто-то попытается обидеть или оскорбить. Может, есть на кого-нибудь жалоба?

Стоило только удивляться, с какой жадностью и вниманием прислушивались девушки к каждому услышанному слову. Даже вперед чуть подались непроизвольно. Но когда пришла пора отвечать, наиболее высокая из паломниц просто несколько раз качнула отрицательно головой.

Тогда хранитель решил поинтересоваться более конкретно и с явным нажимом:

– Я заметил, что вы здесь что-то осматривали и даже подсвечивали себе. Что-то потеряли?

Опять только отрицательное мотание головой.

– Тогда что вас здесь так заинтересовало? – Вопрос хоть и чисто абстрактный, потому как здесь ничего интересного существовать не могло по сути, но прозвучал строго. Настолько хотелось хоть слово услышать от девушек.

Как ни странно, но и в этот раз они не ответили. Все та же, похоже более старшая и авторитетная, красавица просто чуть пригнулась и ткнула пальчиком в какой-то рисунок. По всем понятиям рисунка на каменной стене просто не могло быть, но там и в самом деле что-то виднелось. А когда вете-

ран присмотрелся лучше и осознал, что именно там нарисовано, то стал наливаясь краской от бешенства и праведного гнева.

– Кто?! Кто посмел это сделать?!

Девушка умудрилась и плечами пожать, и бровями подвигать вопросительно. Причем подобные ужимки показались Крусту до странности знакомыми. Просто в тот самый момент он был весь под впечатлением пошлого рисунка: мужское достоинство с сопутствующими ему атрибутами.

«Кто это мог сделать? Неужели те два парня? За что и получили в нос от возмущенных красавиц, а потом придумали другую причину инцидента. Тогда сразу понятно их нежелание подавать жалобу. Но если это не они? Вдруг эти самые паломницы так побаловаться решили? Ведь никого не поймал на горячем! – Не выпуская своего перекрученного посоха из левой руки, он деловито правой достал из-за пояса небольшой нож, пригнулся и попытался содрать лезвием вульгарное непотребство. – Что за дурацкие шутки? Да что же творится?!»

Рисунок совсем не оказался рисунком! А совершенно иным по цвету, но весьма однородным по составу участком плиты. словно контуры другого цвета проступили изнутри!

Точно так же в малоприметных местах лабиринта проступали и проступают перед глазами редких счастливых легендарные символы-значки. Только те геометрические и художественные обозначения видны в виде неглубокой резьбы

по камню и раза в два меньше, тогда как явный рисунок выделялся величиной в ладонь взрослого мужчины. Вдобавок водрузить нечто подобное на собственный герб не осмелится ни один здравомыслящий человек.

Как бы данный казус ни случился и что бы он ни означал, но он отныне существовал и его не смыть и не уничтожить с помощью зубила с молотом. Да и не положено как бы оспаривать то, что решил сам Пантеон показать людям.

Поэтому вновь распрямившийся хранитель прикрыл стену своим балахоном и заверил требовательно взирающих на него девиц:

– Какие только вандалы в святые места не проходят! Но мы обязательно разберемся, отыщем и накажем виновных. А вам я бы посоветовал помалкивать об этом случае и преспокойно продолжать осмотр Пантеона. Всего хорошего! Счастливого дня!

Но паломницы и не пошевелились, чтобы уйти. Мало того, одна из них стала делать вид, что тщательно осматривается, а потом с жутким произношением выдавила:

– Искать виновных!

– Да нет, нам помощников не надо, сами справимся.

Понятно, что задавать вопрос, не видели ли они, кто это сделал, было бессмысленно, это Круст понимал. Но вот коверкающий нормальные слова акцент уже основательно подтолкнул к единственно верной мысли. Слишком много получилось совпадений в одежде, поведении и произношении

этой троицы с одним человеком. Не говоря уже про ужимки и хитрющие попытки все вытянуть из собеседника, а самому при этом и слова не сказать. Точно так же себя вел недавний, слишком зачастивший сюда паломник. Тот самый, о котором в последние дни велось столько разговоров и пересудов. Оставалось только развеять последние сомнения, и хранитель с терпеливостью опытного учителя младших классов стал вопрошать:

– Насколько я понял – вы из очень-очень дальнего далека? – Расплывчатое пожатие плеч. – Скорее всего, с Пимонских гор на восточной оконечности нашей империи? – Настороженное молчание. – И вы все – сестры? – Первый несмелый кивок. – И здесь в столице разыскиваете своего брата? – Сразу три синхронных кивка. – И зовут его Борей?

– Борис! – с надеждой в голосе воскликнула старшая красавица.

– Не знаю, может, у вас в горах его чуть по-иному называют, но здесь он представился Бореем. Вот такого роста. – И хранитель ладонями показал высоту описываемого им парня, его худобу, а также обрисовал словами, как тот выглядит, почему так мал и в каком возрасте стал инвалидом при падении.

В конце этой сценки все девицы завизжали от восторга, запрыгали на месте, словно дикие козы, и чуть не полезли к ветерану целоваться. При этом они радостно восклицали, перебивая друг друга:

– Да, да!

– Это он!

– Борис! Борей!

– Где он!

– Нам надо его срочно увидеть!

– Быстрее!

А вот с того самого момента чем-то еще порадовать паломниц Крусту было нечем. Скорее наоборот. Только вот ни ему, ни остальным коллегам только истерик в самом Пантеоне не хватало. Поэтому он выставил правую ладонь вперед и стал строго шикать на расшумевшихся красавиц:

– Тихо! Тихо! Здесь нельзя так голосить! Остыньте! И если хотите знать, где Борей остановился...

– Хотим!

– Хотим!

– Хотим!

– ...то следуйте за мной, я проведу. По счастливой случайности именно я и поселил Борю в южную пейчеру к своему старому приятелю Емляну. Э-э-э... может, помочь?

Он весьма удивился, как девицы лихо помогают друг дружке собраться, накинуть на спины рюкзаки, закрепить те оригинальными затяжками и ремнями и оправить широкополые плащи-накидки. При этом жестами давая понять, что ни в какой помощи не нуждаются.

– Ладно, тогда идите за мной, выведу вас к выходу самой короткой дорогой. А уже там посмотрю для вас какого-ни-

будь провожатого до нужной пейчеры. Может, и сам проведу, если все спокойно.

Они уже вышли в зал, и зрочки у девушек забежали в глазницах с утроенной скоростью. Опасаясь, что красавицы заработают косоглазие или споткнутся о встречных паломников, Круст немного снизил скорость.

– Что, еще здесь не были?

– Угу.

– Ну да, с самого утра вы как раз сюда по восточным анфиладам и успели добраться. А здесь самые величественные залы.

Девицы шли за ним дисциплинированной цепочкой, рассматривая красоты выпученными глазами, и продолжали «угукать» от восторга. И от их реакции на увиденное в голову приходили вполне логичные мысли: «Кажется, они еще более дикие, чем их братец. Полдня шататься по Пантеону, отыскать пошлый, пусть и уникальный рисунок, но не слишком спешить в самые светлые и знаменитые залы – это уму непостижимо. И на расправу они скоры, кулаком готовы любого встречного приветить. Кстати, кто из них так любит драться? – Хранитель оглянулся, присматриваясь, с какой легкостью девушки продолжают движение с тяжеленными рюкзаками. – Выносливые! Похоже, они все обучены себя защищать с младенчества. Недаром Борей утверждал, что его сестры великие фехтовальщицы. По словам Мансаны, он и про злость сестричек упоминал. Хм! А ведь в пейчерах не

трагедия со слезами может произойти, а фирменный скандал с побоищем. Попробуй таким дикаркам объясни, почему братца не уберegli! Да еще инвалида покалеченного. Придется и в самом деле лично вести их туда и уже на месте сделать так, чтобы не сразу вся правда раскрылась. Пусть они сами вначале денек обживутся, с дороги успокоятся, да и мы с Емляном их морально подготовим, момент должный выберем».

Вот с такими мыслями один из старших хранителей и привел паломниц к выходам из кургана. И уже там решил коротко переговорить с коллегами, предупреждая о своем отсутствии. Пока обменивался несколькими фразами, троица красавиц ушла вперед, остановилась на вершине лестницы, ведущей в город, и принялась с такой интенсивностью и восторгом обмениваться мнениями и впечатлениями о панораме, что совершенно забыла про чужие уши. Так что Крусту удалось довольно много подслушать и вполне сносно понять той жуткий горный выговор, которыми пользовались уроженки Пимонских гор.

– Это сказка! Я своим глазам не могу поверить!

– Одной себе я бы тоже не поверила! Хорошо, что нас трое!..

– И воздух! Вы чувствуете, какой он необычный?

– Да здесь все необычно! Кто бы мог подумать, что тут такие дома, стены...

– Да! Красотища!

– Только вот куда Борька подевался? – чуть не рычала от злости самая старшая девица. – Уж мог бы время рассчитать да нас встретить как положено!

– Ха! От таких красот у кого угодно мозги свихнутся, – фыркнула одна из сестриц. – Небось обо всем на свете забыл да по крепостным стенам лазит.

– Сомневаюсь, он стал более ответственный, – заступилась за брата третья девушка. – Скорее, он приболеть мог.

– Тогда его счастье! Иначе я ему рога обломаю! – пригрозила самая старшая сестра.

Услышав такое резкое и жутко негуманное высказывание, хранитель сочувственно поежился: «Ну и семейку имел парень».

Затем громко кашлянул, привлекая к себе внимание и опасаясь, чтобы его не обвинили в подслушивании:

– Ну вот, провожу вас лично, хотя времени мне выделили очень мало. Так что поторопимся!

Ему показалось хорошей идеей вымотать паломниц на последнем отрезке пути в южную пейчеру. Тогда агрессивность наверняка пойдет на убыль, и всяко легче будет с дикими горянками договориться, если они вдруг задумают затеять бучу.

Затея удалась лишь наполовину: девушки учащенно дышали после преодоления отрезка, но всех сил не растратили. Скорее, возникало подозрение, что они просто хорошенько разогрелись. Зато повезло в другом: Емлян оказался на ме-

сте. А уж старого боевого побратима он понимал с полуслова и с полужеста.

– Принимай гостей! – еще не доходя до стойки, начал восклицать хранитель. – Тем более что Борей об их прибытии давно предупреждал. Вот, три его сестры. Прибыли сегодня с Пимонских гор. Думаю, что денек им вначале отдохнуть надо, успокоиться, а уже только потом вводить в курс дел и наших местных событий. Куда их будешь устраивать?

Владелец гостиницы степенно наклонил голову, рассматривая замерших красавиц, затем пригладил волосы над ушами и словно в раздумье стал перечислять:

– Могу дать номер с тремя кроватями, могу два отдельных, а могу и в комнату Борея пустить. Если хотят, пусть в его номере обустроятся, а дальше видно будет. Кровать там огромная. Но при желании и для каждой...

– Нет! – перебила его старшая сестра довольно решительно. – Заселяемся в его комнату. Пока.

– Тоже верно, – покивал Емлян, внимательно следя за мимикой стоящего чуть поодаль боевого побратима. – Можете и поспать с дальней дороги. Как вас зовут?

– Меня Мария. Их – Вера и Катерина.

– О-о! Весьма редкие имена. Давно не встречал, – признался Емлян.

После чего, словно не в силах бороться с собственной ленью, отправился к массивному шкафу внутри огороженного стойкой пространства и достал из него ключ с цифрой «во-

семь»:

– Только не потеряйте! Второй только у Борея.

– А где он сам? – с пристрастием спросила Мария.

Круст пальцами показал идущего человечка.

– Ушел куда-то.

– И давно?

Хозяин гостиницы явно страдал косоглазием, было не понять, куда же он смотрит.

– Давненько. – Он уловил еще один жест-подсказку. – Кстати, обед еще не закончился, можете разложить вещи и вернуться в харчевню.

– А что с оплатой номера? – продолжала уточнять старшая девушка. Хотя ее произношение и странные окончания заставляли очень напрягаться в понимании сути вопросов.

– С оплатой? Борей мне заплатил сразу за три рудни. Так что еще полторы рудни можете жить спокойно.

Создалось впечатление, что девушки не умеют считать, настолько они сосредоточенно и усиленно переваривали последнюю информацию. Как итог, старшая, видимо имевшая на это право, строго спросила:

– Чем он расплачивался?

– Заозерским пятакон, – скривился хозяин гостиницы.

– Можете показать, каким именно?

Довольно странная просьба, и в любом другом случае ветеран бы ответил отказом на такую просьбу. Но тут обстоятельства были слишком скользкими, поэтому он с кряхте-

ньем метнулся в свою подсобку и вынес пятак. Судя по тому, как округлились глаза у девушек, они явно заподозрили, что их маленького братика объеборили по полной программе, поэтому тут же последовали чистосердечные пояснения:

– В других местах бы ему дали на одну пятую серебра меньше или поселили бы всего на две рудни. – Чуть помолчал и добавил: – Еще два пятака Борей разменял для повседневных расходов.

От такой мены уроженки гор странно скривились, но, кажется, она их вполне устроила. А из оставшихся вопросов вырвался только один, странный и многословный:

– Рукописи? Книги? Знания?

Емлян подвигал бровями, словно припоминая:

– Насколько я знаю, Борей покупал и книги, и атласы, и рисовальные принадлежности для сестер. Так что все лежит в номере. Я бы сам проводил, да здесь некого оставить, все домочадцы на обед разбежались. Так что, Круст, – он заметил, что хранитель утвердительно опустил веки, и передал ему ключ, – проводи девушек, окажи услугу старому немощному ветерану.

Тот лишь крякнул от такой напраслины, прекрасно догадываясь, что Емлян уже готовит себя на роль замученного невзгодами и дряхлостью плакальщика. Если уж на то пошло, то услышать от такого человека печальную весть гораздо предпочтительнее, чем от кого-то молодого и пышущего здоровьем.

Поэтому больше не стал задерживаться, а быстро увел гостей во внутренние коридоры, на ходу лишь махнув рукой в сторону харчевни:

– Там столуются обитатели пейчеры. – Открыв номер и припомнив рассказ, как тут осматривался Борей, указал на предметы мебели, перечисляя их, и отдельно показал на пластины, поочередно нажимая их и регулируя освещение: – Люмен! У нас в столице используется повсеместно! – Затем несколько ошарашенно присмотрелся к заматавшимся по комнате девицам, которые с восклицаниями осматривали каждую вещь своего братца, и только после этого стал прощаться: – Все, до скорого! Постараюсь вечером заскочить! – И, уже закрывая за собой дверь, добавил из коридора: – Если будет повод зайти!

Возле харчевни он столкнулся с поджидающим его Емляном. Тот выглядел рассерженным и взвинченным.

– Еле удалось эту несносную Мансану успокоить и заставить сидеть на месте. Думал, привязывать придется, настолько она разум потеряла. Все в слезах порывалась бежать к этим девицам и вымаливать у них прощения. До сих пор только себя винит в этом несчастье.

– Вообще ее лучше на весь день домой отправить. А уже завтра, когда ты этих сестричек деликатно введешь в курс дела...

– Ох! Не нравятся мне их пронизывающие взгляды и страсти к скользким вопросам, – признался хозяин гости-

ницы, прикладывая ладонь к груди в районе сердца. – Такое впечатление, что они малого братца совсем не любили, но как только правду о его гибели узнают, начнут все вокруг ломать, жечь и резать. Какие-то они...

– Дикие-дикие?

– Если не хуже! Так что, дружище, и тебе придется мне завтра в объяснениях помогать. Супругу в это втягивать не хочу, а сам могу и не справиться. И не вздумай отнекиваться!..

Круст pokrивился, но сразу и вздохнул с согласием:

– Ладно, отпущусь я завтра с самого утра и во время завтрака нагряну. Раз уж свела нас судьба с этим парнем, окажем его родственникам последнюю услугу.

Оба двинулись к выходу из гостиницы, и Емлян показал головой на внутренние коридоры:

– А как они к его вещам отнеслись?

– Да нормально. Сразу все знакомое выделили и отдельно новые вещи рассмотрели, уже здесь купленные. Такое впечатление, что это лично они его в дальнюю дорогу собирали.

– О-хо-хо! Тем хуже получается: вдруг они его и любили хоть немножко? Кто этих горцев необузданных знает!

– Ничего, в крайнем случае и в самом деле свяжем. Да и вашшуну постараюсь с собой прихватить. Уж она точно поможет девочек успокоить.

Только при упоминании о вашшуне старый ветеран успокоился и хмыкнул с вернувшимся оптимизмом:

– Вот тогда уже точно справимся!

Глава вторая

Гонки со временем

Весь дальний путь в родную Лаповку я проделал в нервном раздражении и жутком недовольстве. Меня преследовало предчувствие, что я страшно опаздываю и могу не успеть вовремя к месту событий. Только и помогали, что логические рассуждения да скрупулезная расстановка известных мне фактов по полочкам. А когда картина становилась целостной, мои вещи опасения казались ничего не значащим вымыслом.

Да и куда я мог не успеть?

Во-первых, как бы я ни спешил, то, даже умея телепортироваться с места на место, не успел бы остановить девчонок от преднамеренного путешествия в мир Трехщитья. Наверняка они заранее перебрались в Дикий мир и уже там ждали последней оговоренной для моего возвращения минуты. А так как я не вернулся, то Машка скомандует «Старт!» даже в том случае, если прыгать придется в бурлящий вулкан. Она и так долго не могла успокоиться, вынужденно отдав пальму первопроходца новых миров в мои слабенькие ручки.

Во-вторых, моим подругам в новом мире ничего не грозило. В этом я старался убеждать себя ежечасно и ежеминутно. Самые страшные создания того мира – людоеды – зроаки

до них не доберутся. Предезкие зловонные кречи тоже их похитить не смогут. Мои отлично натренированные, физически совершенные подруги хоть и женщины, но уж никак не весят, словно ребенок до десяти, максимум одиннадцати лет. Кто еще им мог угрожать? Страшные колдуньи вашшунны, насколько я смог понять, на женщин никакого негативного влияния не оказывают. Во всех остальных случаях столица империи смотрелась ничем не страшнее нашей деревни Лаповки или города, в котором мы проживали все остальное время.

Конечно, имелись вполне обоснованные опасения, что мои подруги что-то не так скажут, что-то не так сделают, вяжутся в какой-либо скандал и их элементарно запрут в какую-нибудь каталажку. Но в любом случае короткое лишение свободы ничем смертельным не грозит, скорее и на пользу пойдет некоторым. А уж со своими связями, знакомствами, талантами и «денежными средствами» я любую проблему в самом Рушатроне решу не напрягаясь. Опять-таки если в самый первый момент нашей встречи вдруг не станет известно о моей любовной связи с Мансаной. Что-то я слишком опасался этого момента и никак не мог докопаться до причин такого опасения. Вроде и ничего страшного или постыдного, но как представлю несущуюся на меня со своей рапирой Машку, так сразу плохо становится и ноги подкашиваются. К чему бы это?

Ну и в-третьих, спешить мне никак не следовало по од-

ному простому, очевидному размышлению: выхода обратно на Землю в Рушатроне, а то и во всем тамошнем мире может и не оказаться. При всей несуразной многочисленности символов в лабиринтах Сияющего кургана ни один из них не подвластен простому человеку, а рискнуть и вновь отправиться в замок людоедов ради сомнительного шанса вернуться домой – такое я даже гипотетически представить себе не мог. Меня сразу начинало трясти и лихорадить при одном только упоминании о людоедах.

Поэтому сразу и бесповоротно я вполне сознательно решил: на Землю нам больше вернуться не удастся. Ни мне, ни девчонкам. Значит, следовало взять с собой в мир Трехщитья как можно больше ценного, необходимого и полезного, а взамен оставить у наших родственников твердую уверенность в нашей целостности, безопасности и счастливом существовании. Никогда не забуду тот траур и печаль, которые окутали род Ивлаевых после гибели нашего друга детства Димочки и его родителей. Так что повторного горя ни для кого не хотелось. Пусть уж лучше считают нас предателями, черствыми и бесчеловечными негодниками, неблагодарными чадами, чем сомневаются в нашей жизнедеятельности. Несколько фантастических задумок на эту тему у меня имелось, да и реалии иных миров могли подсказать что угодно.

О своих вещах я тоже не переживал: еще как минимум неделя у меня в пейчере проплачена, и за это время ни одна

живая душа в моих вещах копать не посмеет. Вот была у меня в этом твердая уверенность, была. Да и потом, после истечения сроков оплаты Емлян не сразу отыщет запасной ключ и допустит внутрь членов своей семьи. Потому что о моем пленении и вытекающей из этого факта гибели никто и не догадывается. Вряд ли кто видел, как меня в сумерках с почти безлюдной улицы похитили подлые кречи, а если кто и видел, то будут укорять неизвестную мамашу-ротозейку, не уследившую за сбежавшим из дому ребенком. Связать похищение мальчика со взрослым обитателем южной пейчеры никто и никогда не удосужится.

То есть меня наверняка ненавязчиво ищут или попросту ждут скорого возвращения. А так как я никому не должен, то скорее даже не ищут. Ну разве что Мансана изводится.

При воспоминаниях о девушке, открыто возжелавшей связать со мной свое семейное будущее, у меня сладко щемило на сердце и тревожно сосало под ложечкой. Вряд ли у нас что-то путное получится, но в любом случае все интимные разборки следует отложить до момента моего возвращения в Рушатрон.

Но еще больше меня волновали в моих мыслях воспоминания о волшебстве нового мира. Я его помнил отлично, ощущал каждой клеточкой тела, не мог искоренить из сознания. И самое важное: я верил в это волшебство. А значит, следовало возвращаться в Трехщитье в любом случае.

Хотя в то же время и понимал прекрасно: легко не будет.

Одни воспоминания о глотании щитов могли вывернуть наизнанку любого человека. А уж о том, как мне промывали желудок, благодаря чему меня спасли в больнице Черкасс, — об этом даже подумать страшно. Просто чудо, что я оказался без сознания и добрые врачи чисто случайно меня спасли. Но где-то в глубине души и сожаление оставалось: так близко был от возможной победы над злой судьбой, и все сорвалось. По большому счету я готов опять, сию минуту проглотить этот мерзкий кусок кожи, настолько сильно, настолько жутко мне хотелось стать здоровым, рослым и сильным! Так почему бы не помечтать о скором будущем?

Вдруг мне и в самом деле удастся купить первый щит, проглотить его и впоследствии выздороветь? Да еще и стать при этом вполне нормальным мужчиной среднего роста? Да что там среднего, согласен и чуть ниже среднего! Даже чуть ниже нормального! Ха! Да тогда я стану самым счастливым человеком во Вселенной! И ради такого выздоровления готов без сомнений покинуть Землю на веки вечные.

Кстати, новый как бы повод для расставания с родителями.

Вот только поверят ли они?

А дорога проносилась подо мной и оставалась сзади длинными километрами асфальта. Мои спасители и благодетели вели себя весьма нейтрально: Геннадий топтал педаль акселератора, а его Зюечка то и дело ставила диск с новыми за-

писями.

Расстались мы поздним вечером на автобусной станции маленького городка, после того как я получил на почте деньги, пересланные родителями, и восполнил денежные потери, понесенные парочкой из-за моих пертурбаций со здоровьем и последующими дорожными перемещениями.

Понятно, что ни Зоя, ни Геннадий полными глупцами или богатыми альтруистами не оказались, деньги взяли и, тепло со мной распрощавшись, укатили по дороге дальше к своей цели. А я остался на развилке двух магистралей, откуда через час отправлялся и мой автобус, почти довозящий до самой Лаповки. Но перебирая в кармане жалкие остатки мелочи, пожалуй, впервые в жизни задумался на тему приличных заработков. Причем не собственных заработков, а тех, которые имели мои родители. Хватит ли им средств, когда они станут старенькими? Смогут ли им помочь остальные родственники? Не поставят ли в укор отсутствие единственного сына, который и должен по гуманитарным меркам всячески поддерживать давших ему жизнь людей на закате их существования?

И так мне это разбередило душу, что вдруг в голову пришла сумасбродная идея: а что, если и отца с мамой забрать в мир Трехщитья? Реально? Еще как! Только и сложностей, что заставить поверить в существование иных миров. Ну и как в них не поверить, если можно пощупать собственными руками? А там пробный шаг в Дикий мир и...

Сорвался с места и побежал искать телефон-автомат. Для одного солидного звонка должно вполне хватить оставшихся денег. Вариантов моего звонка было много: родители могли просто спать в деревенском доме и мобильная связь их не достанет. Могли сорваться в дорогу и уехать сегодня, в субботу, хотя и обещали быть в Лаповке еще целое воскресенье. Вот как раз этот вариант меня больше всего и взволновал, не хватало нам только разминуться! Зато на магистрали отличная связь. Лишь бы мама не дремала в пути и ответила, а то отец ночью так гонит, что на пиликанье мобильника не отвлекается принципиально.

Повезло дважды. Родители были на магистрали, но в город пока не ехали. Наоборот, возвращались в деревню для последней ночевки. Все-таки решили меня дожидаться и переговорить о последних моих путешествиях. С этого моя матушка и начала:

– Боренька? Ты все еще в пути?

– Да, мамульчик. Буду в Лаповке только на рассвете. И мне очень нужно с вами встретиться и переговорить.

– И у нас взаимная тяга к разговорам. Родственное, наверное.

– Не сомневаюсь. Значит, утром я вас бужу на завтрак?

– Да нет, – решительно возразила мать, – это мы утром тебя встретим на магистрали и сразу подбросим домой к готовому завтраку. Небошь отошал в своих путешествиях?

Я прислушался к собственному желудку, который сразу

напомнил о голоде тигриным урчанием, и чуть не подавился нахлынувшей в рот слюной.

– Кхе, кхе. Отощал не отощал, но сейчас бы литровую банку сгущенки выпил не отрываясь.

– Так деньги у тебя еще остались? – заволновалась родительница. – Купи себе хоть чего-то пожевать.

– Тогда до завтра! – успел выкрикнуть я, решив ни в коем случае не бросать последние монетки в телефон-автомат.

После чего поспешил в некое подобие киоска, в котором торговали жвачками, сигаретами, пивом и водкой. Ничего этого мне и даром было не надо, но другого на этой автобусной станции, видимо, никогда не продадут по умолчанию. А кушать хотелось все сильнее, поэтому я заглянул в маленькое оконце, пытаясь рассмотреть опухшее от беспробудной пьянки лицо продавца:

– Эй, парень, а из еды у тебя что-либо есть?

Оказалось, что и такая роскошь имеется, хоть и не пылится за стеклом с решетками. Но вся суть упиралась в наличность, и про разносолы пришлось забыть сразу. Только и получалось: могу купить либо небольшую колбаску докторской в четыреста граммов, либо две буханки серого хлеба. Причем хлеб оказался черствым и твердоватым. Глаза мои жадно пожирали аппетитную колбаску, а здравый рассудок взял под контроль непослушные губы:

– Две буханки. В кулек!

То есть получилось, что в автобус я таки уселся с ка-

ким-никаким, но багажом. Да и то от такого мизера водитель недоуменно свел брови на переносице. Билет он проверял слишком уж придирчиво, да и от вопроса не удержался:

– В Лаповку, говоришь? А чего сам-то едешь, малой, без родителей?

– Я вам не малой! – постарался отвечать я баском. – Мне уже восемнадцать. А что ростом не удался, так это еще не повод над калечным посмеиваться.

– Да ладно, извини, – прищурился как-то слишком оценивающе водитель автобуса, возвращая мне билет. – Мне просто по роду работы положено о пассажирах беспокоиться. Вон в Лаповке утром еще темно будет, кто тебя встретит?

– Я сам кого угодно встретить могу! – почти нагрубил я в раздражении.

Уселся я почти на самых задах, ибо две трети мест пустовало. И моя рука сразу, непроизвольно потянулась в кулек. Отщипывал небольшой кусочек, старался неспешно подносить его ко рту и наблюдал за остальными пассажирами. Дел ко мне ни у кого не было, а когда минут через десять тронулись в путь, то вообще большинство попутчиков сразу стали готовиться ко сну. Разве что некоторые еще бродили, выбирая место получше, или общались с водителем. А моя рука заработала с утроенной скоростью. Давно мне такой вкусный хлеб не попадался! Не иначе как местные хлебопеки смело могут выигрывать любые конкурсы на самую ароматную буханку года.

Как оказалось, я отныне тоже могу участвовать в конкурсе на скоростное поедание хлебобулочных изделий. Не прошло и получаса, как моя рука с раздражением уже выгребала последние крошки из кулька. Кушать стало нечего! Зато взамен так захотелось пить, что напала икота. Причем так серьезно напала, зверски. Прямо хоть волком вой.

Хорошо еще, что добрые люди не перевелись в юдоли нашей славянской. С заднего сиденья из-за моей спины послышался сочувствующий женский голос:

– Почто хлеб всухомятку ешь? – И как только рассмотрела? Скорее всего, видела меня у киоска. – Аль запить нечем?

– А вот и нечем, – оглянулся я, – тетушка. Поиздержался в пути совсем.

– Эх ты разыкался, болезный. Так всех перебудешь.

– А что делать?..

– Коль хочешь, милок, чаем угощу горячим из термоса.

Больше у меня ничего из питья нет.

– О! Да мне даже как-то неудобно напрашиваться, – забормотал я, но тетка уже села со мной рядом со своей сумкой и стала доставать термос.

– Чего тут скромничать, дело житейское. Да и должны люди помогать друг другу. Вот, пей на здоровье! На травах, сама заваривала! И лист брусничный, и малиновый, и мята лесная со зверобоем.

Мне и в самом деле в нос ударил такой букет запахов, что я не сдержал удивленного мычания. Хотя как только начал

пить не совсем уж горячий чай, мне вдруг показалось, что я заглатываю в себя змею. Картинка показалась настолько явственной, что я дернулся, икнул и пролил себе на грудь угощение.

– Да что это с тобой? – забеспокоилась тетка. – Сделай сразу несколько больших глотков, икота сразу пройдет.

Подумалось, как я буду выглядеть в глазах попутчицы, если стану плести о какой-то змее. Я прикрыл глаза и в самом деле сделал несколько больших глотков, утешая себя мыслями, что мне мерещатся кошмарные воспоминания той минуты, когда меня силком заставляли проглотить первые щиты. От таких воспоминаний поневоле шизофреником станешь.

Но цель оказалась достигнута, икота прошла, и я с облегчением откинулся на спинку сиденья.

– Спасибо огромное!

Но тетка попала из тех живчиков, которым в дороге не спится, и теперь она ожидала ответной благодарности за свой чай в виде разговора. Причем вопросами она меня засыпала несколько странными: как мне живется с таким росточком, как вижу свое будущее, не мечтаю ли стать артистом и как вообще отношусь к идее хорошо заработать на ниве цирковых выступлений.

Вначале я хихикал и отшучивался, потом мне стало такое внимание надоедать, а потом на меня вдруг навалилась такая дремотная апатия, что я совершенно перестал отвечать и почти не осознавал, что происходит. Только потом припомнил,

что тетка ходила к водителю пару раз да после этого чуть ли не силком вновь пыталась меня напоить чаем. И опять видение проглатываемой змеи заставило меня непроизвольно сопротивляться, отказываясь от лишнего угощения.

А потом мы стали выходить. Краешком сознания я понимал, что до Лаповки автобус еще не доехал, но вот все остальное тело мне уже не подчинялось. словно сомнамбулу, тетка вывела меня из автобуса, тот уехал, и мы остались вдвоем на ночной и пустынной магистрали. Но тут же моя попутчица резво схватила меня за руку и насильно поволокла по обычной грунтовке в сторону ближайшего леса. Несмотря на свежий и довольно-таки бодрящий ветерок, осознание действительности и чувства осязания ко мне так толком и не вернулись. Как и моя хваленая сообразительность. Апатия, кажется, добралась и до последнего уголка моего сознания, которое продолжало бороться и пыталось что-то зафиксировать в памяти, потому что толстенные деревья – это было последнее, что я помнил.

Очнулся от луча яркого света, бьющего мне в приподнятое чьими-то пальцами веко. Дернулся всем телом и сразу услышал мужской голос:

– Глянь, шевелиться начал коротышка!

– Потому что не всю порцию выпил, – отозвался знакомый теткин голос. – А добавку так вообще расплескал.

– Соображаловки у тебя нет, Ефремовна! – стал сердиться мужчина. – Учишь тебя, учишь!.. На его массу тела и одной

кружки с лихвой хватает. Помереть ведь мог!

– Так ведь не помер!

– Это у него реакции только остались. От такой дозы он теперь еще часа два валяться будет.

– Да какая разница? – недоумевала тетка. – Живой, да и ладно. Плати – и я пошла себе. Больно надо задерживаться.

– Э-э, нет! Пока шеф лично товар не осмотрит, ни о каком расчете и речи быть не может. Вдруг он глухонемой? Или вообще работать откажется?

– Что ты мелешь?! – сразу повысила тон Ефремовна. – Когда это я глухонемого подсовывала?

Началась самая обычная ругань из одной ненормативной лексики. Но у меня волосы встали на голове дыбом не по этой причине. Ситуация слишком уж напоминала ту, при которой выкравший меня из Рушатрона кречи торговался со зроаком на стенах крепости Дефосс. Там тоже хотели деньги сразу, но без управляющего торг был неуместен. Так выходит, что я и сейчас попал в нечто подобное?!

Слышал о таком! Читал! Но чтобы самому в такое дерьмо вляпаться?! Кошмар!

Неужели меня опять захватили в некое подобие рабства?

Пришлось напрячь все отупевшие после отравы извилины мозга и фильтровать каждое услышанное слово. Хотя одно радовало: меня кушать не собирались! Использовать на запасные органы – тоже. Убивать ради развлечения – тоже не желали. А вот использовать в некоем развлечении – ско-

рее всего, попробуют. И не просто временно, а с явной мотивацией привлечь меня к работе на постоянной, практически добровольной основе. Потому что, судя по всему, некоей частной цирковой труппе срочно требовались карлики и недоростки для выступлений на подпольных креативах.

Вскоре голоса стихли, куда-то удалившись, а я попытался встать на ноги и дать деру. Мягко говоря, фиг что получилось. Сесть-то я еще смог, как и осознать себя несвязанным, а вот дальше этого дело не шло. Все тело казалось словно напичканным ватой. Причем ватой болезненной и неприятно колющей. В любом случае следовало вылежаться и набраться хоть немножечко сил. Раз они меня принимают за слабака, то пусть так и думают, мне главное – ноги как следует прочувствовать.

Обратил я внимание и на разухабистую музыку, доносящуюся попеременно с гомоном пьяных голосов. Где-то неподалеку явно гуляла лихая свадьба или нечто подобное. То есть вокруг меня однозначно людские поселения, а не глухой, дремучий лес.

Но не успел я вновь улечься в прежнюю позу, как ко мне пожаловали посетители. Все та же переругивающаяся пара и сам шеф собственной персоной. Даже глаз открывать не пришлось, достаточно было услышать скрипучий, повелительный голос:

– Док, вколи ему чего взбадривающего!

Его помощник-мужчина без единого слова выполнил при-

каз, и я постарался не дергаться, когда игла мне вонзилась в плечо.

– Когда он очнется?

– Минута-полторы, – выдал информацию странный представитель здравоохранения.

А я про себя стал отсчитывать секунды. Когда досчитал до сотни, довольно правдиво сыграл возвращение в сознание. Вздрогнул, открыл глаза, осмотрелся с подозрением и спросил:

– Где это я? – Складывалось впечатление, что во внутренних частях какого-то битком набитого реквизитами сарая.

– Дома, – вполне ласково ответил мужик, на лице которого из-за буйной растительности только глаза и просматривались. Вылитый орангутанг! Да и фигурой он на этого обитателя джунглей смахивал один к одному.

– А вы кто такие? – прочистил я окончательно горло вторым вопросом.

– Вот это уже от тебя зависит. Можем стать твоими родными и близкими, а можем рассердиться твоему непослушанию и...

– Мне ближе родственники, – перебил я его деловито, чувствуя, как с покалыванием в пальцах мои ноги обретаю чувствительность.

– Ха! Да ты вполне себе адекватный и понимающий парень! – обрадовался бородатый шеф. – Мне такие нравятся.

– А я вообще от себя в восторге! – похвастался с улыб-

кой.

Играть так играть! Если уж от зрoаков ушел, то от наших родных славянских циркачей тем более сбегу!

Только и пожалел мимолетно о том, что опять у меня на пути вдруг возникают непредвиденные задержки. Да о том затосковал, что родители напрасно будут ждать в предрассветном тумане останавливающийся автобус. Но последнюю неприятность легко исправить. Достаточно только добраться до мобильного телефона.

Глава третья

Ехал себе, никого не трогал...

Кажется, с первых фраз нашего разговора шеф данной шарашки опознал меня вполне лояльным и готовым на все работником. Хотя вопросами засыпал с головой.

– Как тебя зовут?

– Саша Резченко.

– Может, и «погоняло» у тебя похожее?

– Ага! Все друзья Резким кличут.

Дальше мне пришлось дотошно пояснять, что кличка ко мне прилипла такая с детства за ленивость и редкую прожорливость. Коснулись причины маленького роста, соврал, что все в роду такие. Стали выяснять мои умения: плел правду, что особых не имею, зато очень талантливый и очень способный. Про родственников признался, что ждут и волнуются, но в то же время дали мне полную свободу в действиях и выборе собственной стези в жизни.

После чего орангутанг перешел к деловой части:

– Заработать хочешь?

– Очень хочу. Но сколько? И что надо делать?

– Нам в труппу позарез нужен карлик, ну а твой заработок будет напрямую зависеть от исполненных номеров во время выступлений. Чем рискованней номер, тем больше получа-

ешь. Вплоть до ста баксов за ночь. А при хороших заказчи-
ках и все двести.

– Согласен, – просто ответил я, напуская на лицо самое
плотоядное выражение.

– Чего это ты? – вдруг возмутилась тщательно прислуши-
вавшаяся тетка. – А мне в автобусе совсем другое говорил!

– Ха! – воскликнул я с издевкой. – С каких это пор насто-
ящие менеджеры передачи «Алло, мы ищем таланты!» стали
на таких затрапезных маршрутах подрабатывать?

По-другому пока я за свое похищение отомстить не мог,
но шефу и доктору моя отповедь понравилась. Они оскали-
лись:

– Лихо!

– Видать, шутить любишь?

– Еще бы! От моих шуток ушки прекрасных дам сворачи-
ваются трубочкой, чем мужчины и пользуются, говоря вся-
кие гадости и держась за эти трубочки.

Оба мужика теперь хохотнули от всей души, а орангутанг
похвально хлопнул своими огромными ладонями:

– Так и знал! Ты словно рожден быть клоуном. Хочешь
попробовать? Причем если получится у тебя аккомпаниро-
вать нашему мэтру, то уже сегодня получишь первую зарпла-
ту. Выступление через час-полтора.

Я чистосердечно удивился:

– А сейчас сколько?

– Далеко за полночь. Но ведь это не важно. Ибо! – Шеф

поднял вверх свой корявый палец и выдал философскую притчу: – Артисты выступают не когда им хочется, а когда в них нуждаются! – после чего замер, прислушиваясь к доносящимся шумам, и стал торопиться: – Значит, согласен?

– Без сомнения!

– Но учти, Резкий, пока не войдешь в полное доверие, за тобой будут присматривать, и сбежать тебе не удастся. Охранники сразу ноги переломают.

Хоть как эти слова ни звучали угрожающе, я постарался бесшабашно фыркнуть:

– Никогда не убегал от сытной кормушки! Только и у меня есть три требования.

– Сколько?! – Тон орангутанга стал еще более угрожающим.

– Всего лишь три, – стараясь не вздрогнуть, стал перечислять я, загибая пальцы. – Дайте мне пожрать вначале, потом десять баксов в виде аванса и, наконец, телефон для одного звонка. А то опять родители шум подымут, меня не дождав-шись.

Казалось бы, вопрос с телефоном мог оказаться самым проблемным, но шеф решил его первым. Просто молча достал телефон и протянул мне. Но когда я стал набирать номер, к моему лицу приблизился огромный, покрытый черными волосами кулачище и раздался подрагивающий от угрозы голос:

– Вот сейчас тебя слегка и проверим!..

Но я и так догадывался, что подобные шутки с моей стороны не прокатят. Родители мне все равно помочь не смогут, а голова моя треснет после первого же удара. Если уж в эту трупку не боятся людей похищать, то нравы здесь царят более чем жестокие.

Поэтому говорил просто и без всяких затей:

– Ма, извини, что разбудил. Но меня встречать не надо. Я тут работу себе нашел, если понравится, могу и надолго задержаться.

– Но у тебя все в порядке? – сразу напряглась мать.

– Ха! Естественно! Чуть позже перезвоню и похвастаюсь новой работой более подробно. Папе привет!

После чего вернул телефон, но руку оставил протянутой:

– Где мой червонец баксов?

– Нет при себе! – выверился орангутанг.

Но иного ждать не приходилось.

– Тогда хоть пожрать чего-то дайте! А то прямо тошнит от голода.

Шеф мотнул своей косматой головой и, отправляясь к выходу, буркнул:

– Док, отведи Резкого к мэтру, пусть его подготовит к выступлению да накормит попутно. А ты, Ефремовна, пройди ко мне!

Довольная тетка тут же помчалась следом за орангутангом. При этом она премерзко виляла задом и что-то рассказывала льстивым голосом, ожидая щедрой подачки за про-

данного ею человека.

Видать, что-то в моем взгляде проклюнулось с особой зверской ненавистью, потому что док нахмурился и забеспокоился:

– Да ты никак на Ефремовну обозлился?

– А как же! Ей вон сразу заплатят, а мне даже чирика в аванс не дали! – пришлось мне выкручиваться с деланой обидой.

– Да ты не сомневайся, шеф у нас щедрый! Не обидит, – наущал мой провожатый, с некоторым успокоением подталкивая за плечи к выходу. – Почему ползешь? Плохо себя чувствуешь?

– Да ноги как ватные, – соврал я. Хотя уже в данный момент был готов припустить с самой максимальной скоростью. Лишь бы возможность для побега представилась.

– Ничего, еще полчаса – и все пройдет. Так что на арене сможешь и кувыркаться, и плясать, и что твоя душенька пожелает. Конечно, после согласования с мэтром.

– Ух, солидно звучит, – поддакнул я, пытаюсь тем временем рассмотреть окружающие нас территории. – Он что, такой старый?

– Ха-ха! Не то слово! – развеселился док. – С него уже песок сыпется! Сейчас сам увидишь.

Оказалось, что мы не в сарае находились, а в будке огромного рефрижератора. Тот стоял на дальних задворках какого-то поместья, огороженного высоченным забором. При-

чем забор освещался прожекторами, и даже вскарабкаться по нему такому недорослю, как я, было бы и в теории невозможно. Сама центральная усадьба вообще искрилась разноцветными огнями, переливалось сполохами и гирляндами, и оттуда как раз неслись та самая музыка и шум веселящейся дискотечной тусовки.

А прямо на лугу возвышался вполне аккуратненький и милый, словно сошедший со средневековых рисунков, цирковой шатер. Небольших размеров и не слишком высокий, как представлялось по современным понятиям, он и внутри выглядел несколько нестандартно: манеж вдавался в боковую стенку, а трибуны для зрителей располагались всего в одну треть круга. То есть мест хватало лишь на две, максимум две с половиной сотни посетителей. «Домашний цирк», не иначе!

Не совсем вежливо док протолкнул меня в помещения под трибунами и заорал еще издали:

– Ленька! Тут тебе шеф помощника прислал! Парню восемнадцать лет, но роль карлика словно под него сшита. Готовь к выступлению! – Мы вошли в некое подобие примерной, где копошилась одетая в клоунский балахон фигура. – И покорми малого, с дороги он. Зовут его Резкий, пока стажуется у тебя. – Уже поворачиваясь уходить, со смешком добавил: – Он считает, что все мэтры старые и дряхлые. Точно как ты!

Его смех еще долго слышался в этой примерной, а я сто-

ял и с немым ужасом пытался рассмотреть и понять суть стоящего передо мной человека. Скорее всего, он был молод, об этом и гладкая шея говорила, и розовая кожа на груди. Но вот с лицом его когда-то сотворили страшные вещи. От глаз вертикально вверх через лоб пролегло два безобразных широченных шрама. Более узкие шрамы служили продолжением бровей и тянулись к самым ушам. Еще одни, короткие, стягивали щеки. Но самые жуткие шрамы уродовали клоуна, служа как бы продолжением губ. Получалась эдакая маска ужасного, жутко хохочущего мима. И если в первый момент хотелось отпрянуть от такого лица, то, присмотревшись, в голову начинали закрадываться мысли, что это обычный розыгрыш. Просто фантазия подсказывала, что это и в самом деле умело наложенный великим мэтром клоунский макияж. И тогда от понимания и озарения губы сами начинали растягиваться в улыбке.

Но у меня не растянулись, потому что я увидел и всмотрелся в глаза человека: полные боли, тоски и безысходности. Таких глаз даже мне, в худшие мои дни видеть, в зеркале не доводилось. Так что местный мэтр совсем не радовался своей работе.

Но удивить его мне удалось. Потому что он поинтересовался:

– Разве тебе не смешно?

– Никогда не смеюсь над плачущими, – изрек я с некоторым пафосом. – Потому что сам такой.

Клоун и расслабился, и смутился одновременно, сообразив, что перед ним тоже калека.

– Извини! Я так привык к одной и той же реакции на мой вид, что давно стал садомазохистом в такие моменты. Жалею себя и упиваюсь собственной жалостью, словно идиот. Ты голоден? Давай сюда!

Он призывно махнул рукой и увлек за ширмочку, в еще меньшую подсобку, где кроме двухъярусной кровати все остальное место занимал стол и некое подобие табуретки. Причем стол оказался заставлен готовыми блюдами, мясной нарезкой, консервами, фруктами, салатами и соленьями, бутылками с вином, соками и водами. У меня дар речи потерялся от такого изобилия, и я бухнулся на единственную табуретку.

– Налетай, не стесняйся, – усаживаясь на кровать, он немного запнулся, перед тем как произнести мое имя: – Резкий! У меня все артисты подкармливаются в любое время дня и ночи. А я тебя тем временем введу в курс нашей жизни. Ты как, сам к нам или по наущению со стороны?

– Ха! – вырвалось у меня презрительное восклицание. – За такие «наущения» я бы эту Ефремовну в ее собственном дерьме утопил!

Может, мне и не стоило вот так с ходу раскрываться, но парень лишь понятливо кивнул, закрывая тему словами:

– Да, та еще сволочь!

Но потом и в самом деле перешел к предстоящему вы-

ступлению:

– На манеже когда-нибудь выступал?

Я уже не сдержался и к тому времени стал энергично пережевывать роскошную котлету по-киевски, поэтому только отрицательно мотнул головой.

– Ну, это не трудно. Главное, смотри, как делаю я, и во всем мне подыгрывай. Мало того, если и просто будешь стоять полным истуканом, то мы все равно неплохо отыграем. Помимо этого на вот эти мои репризы тебе желательно ответить и действовать вот так.

Несмотря на молодость, парня и в самом деле можно было считать мэтром цирковой клоунады. Не могу утверждать, что все его жесты, ужимки или фразы претендовали на оригинальность или уникальность, но мне многое понравилось. Не слишком-то увлекаясь цирком, я и юмористические программы просматривал весьма редко, отдавая разве что тотальное предпочтение КВН, но услышанные сейчас шутки просто обязаны были нравиться публике. Причем даже без добавки в виде неповторимого в своей оригинальности лица.

Когда с контурной обрисовкой программы выступлений мы закончили, я, так и не прекращая есть, провел ладонью над своим лицом:

– Леонид! Кто это тебя так?

И опять легко читалось противоборство двух стихий в глазах у парня: бешенство и смирение. Причем все это на фоне досады, которую клоун попытался разьяснить в первую

очередь:

– Когда меня об этом спрашивают, я готов убить человека за бестактность. Но ты имеешь на такой вопрос полное право, извини.

– Да ладно, не хочешь – не отвечай.

– Нет, отвечу! – Парень чуть помолчал, словно собираясь с мыслями. – Меня нашли в пятилетнем возрасте цыгане на окраине одного из черноморских городов. По их словам и по моим воспоминаниям, я умирал от страшной ножевой раны в области живота. А лицо уже было заживлено более года. Спасти им удалось меня чудом, отдавать меня властям они побоялись, потому я так и остался с ними на два года. А потом меня не погнушались продать в кочевой балаган. – Он протяжно вздохнул. – Вот с тех пор, уже восемнадцать лет, я и перехожу от одного владельца к другому.

Я поспешно прожевал внушительный кусок заливного языка и только тогда воскликнул:

– Так почему же ты до сих пор не сбежал?!

Леонид вначале грустно рассмеялся, глядя сквозь полотняные стены куда-то в безмерность, а затем пробормотал:

– Кому я там нужен? Даже если бы у меня скопились огромные средства, все равно операция меня от уродства не спасет. А здесь... – Он пожал плечами. – Не так уж и плохо... иногда.

– Я думаю! – выдавил я с набитым ртом.

Вот в тот момент мы оба и обратили внимание, что со

мною явно что-то случилось. Потому что я ел словно конь! Да что там конь: как два коня! И по всем здравым, логическим выкладкам должен был как раз взорваться от переедания. Почти одновременно мы посмотрели со страхом на мой вздувшийся живот. И пока я его трогал дрожащими пальцами, клоун шепотом поинтересовался:

– А он не лопнет?

– Понятия не имею, – прошептал я в ответ.

– Ты всегда так много... хм... кушаешь?

– Первый раз в жизни! – ответил я чистую правду. – Просто увлекся, наверное, твоими шутками и рассказом. А чего мы шепчемся?

– Шепот – единственное лекарство, когда меня начинает разбирать смех. Ибо, если я начинаю хохотать, никто вокруг тоже не может удержаться. Так что тогда ты точно лопнешь.

Странные у него лекарства, хотя остальные рассуждения выглядели вполне логично: жить хотелось в любом случае и умирать от смеха было совсем не смешно. Поэтому я тоже всеми силами сдержал собственный, рвущийся наружу смешок и встал на ноги. Чуток подвигал корпусом. Попытался наклониться чуть вперед, после чего не сдержал нервного хихиканья: из-за вздувшегося живота я не видел собственных коленок! Как там издеваются в таких случаях над толстяками? А! Зеркальная болезнь!

Не иначе мне и в самом деле надо срочно избавиться от излишков пищи?..

Я так и замер в этих размышлениях. Ничего в животе не урчало. Тошнота тоже отсутствовала полностью. Диафрагма не сдавливалась, дышалось легко. Ничего не онемело и не затекло. Мало того, и последнее наблюдение поражало больше всего: во мне кипела такая энергия, что я почувствовал беззаботное ребячество и желание кувыркаться.

Только вот временный наставник смотрел на меня расширенными глазами, и вкупе с его оригинальным лицом это выражение могло рассмешить кого угодно. Но я таки еще чудом сдержался, подвигался более интенсивно и вынес для себя сиюминутную классификацию:

– Обжора прожорливый, прикормленный, дорвавшийся до обжорства.

Вот тут Леонида и прорвало. И я понял, почему его смело можно считать мэтром клоунады: только за один его заразительный смех! Он хохотал так заливисто, так легко и проникновенно, что удержаться от ответной реакции мог бы лишь покойник.

Ну и я грянул. После первой минуты у меня затряслись коленки, и я присел на табуретку. После второй минуты у меня заныли живот, позвоночник, и в поисках более удобного положения я сполз на пол. Еще через минуту я уже стоял на коленках, бесполезно пытаюсь перекатиться с раздувшегося живота хотя бы на бок.

В общем, истерия истинных профессионалов юмора!

Именно так и подумал ворвавшийся к нам шеф всего это-

го балагана. Но сам смеяться не стал, имея в своем арсенале весьма эффективное средство борьбы с беспричинным смехом. Он просто завыл, словно пароходный гудок, моментально переведя наши сознания из фазы веселья в фазу непроизвольного испуга. И когда мы, полуоглушенные, замерли, пытаясь вдохнуть воздух, вполне деловым голосом проговорил:

– Вижу, что сработались! Молодцы! Готовьтесь к выступлению, через полчаса начинаем.

Развернулся и сгинул. Только и осталась на месте заросшего лица колышущаяся разноцветная занавеска. Глядя на нее, Леонид уселся на кровати, озадаченно почесал макушку и благоразумным шепотом стал размышлять:

– Странно! Уже и утро скоро, а этим нуворишам представления захотелось.

Я с трудом облокотился на табуретку, стараясь смотреть только на плотный брезент, и тоже шепотом поинтересовался:

– А это плохо или хорошо?

– Все зависит от количества ими выпитого и от качества собравшейся компании. Тут чаще всего такие отбросы собираются, что прямо на манеже блевать хочется.

– Так давай сбежим! – с горячностью предложил я, вспомнив, что пора «делать ноги», а вслух перечисляя: – Покушали, так сказать, пора и честь знать! По принципу: «Гости, а не надоели ли вам хозяева?»

– Ты забыл, что там я никому не нужен, – окончательно

погрустнел мэтр.

– Там? – Неожиданно я вспомнил о мире Трех Щитов, представил, как этого парня излечивают первым щитом и он становится вполне приятным и симпатичным на вид. – Ха! Может, за этим забором ты никому и не нужен! – Я встал на ноги и теперь смотрел на парня в упор. – Но я знаю место, где тебя если и не вылечат сразу, то на твое уродство не обратят ни малейшего внимания.

Ноль эмоций. Леонид просто чуть сдвинул меня в сторону и вышел в большую примерную. И уже там, нанося уверенными движениями цветной макияж на свои шрамы, напомнил:

– Ты забыл, как тебя сюда доставили? Ты забыл про охрану и угрозы? А ведь ты даже не догадываешься, что это за место.

– Поделись секретами, если не боишься.

Я подошел и встал рядом, с изумлением наблюдая, как уродливые шрамы на глазах превращаются в уникальный портрет самого развеселого и счастливого мима на свете. Только вот слова изо рта этого мима выходили жуткие и кошмарные:

– Я-то уже ничего не боюсь. Да и уйти возможность имею в любое время, а вот тебя ни за что не выпустят. Охранники – звери. Хозяева поместья – вообще вурдалаки в человеческом теле: заправляют торговлей наркотиками во всем районе. Их гости... Эх, по каждому из них виселица плачет. Мохнатый,

это которого мы шефом кличем, вообще последняя сволочь и убийца. Только за последние месяцы от его рук погибло несколько человек. Девочка-ассистентка: в нее попал топор во время репетиции по метанию ножей и прочей металлической прелести. И кажется, совсем не случайно. Предыдущий карлик задохнулся в ящике факира, потому что Мохнатый не потрудился его вовремя оттуда достать после представления. Воздушный акробат вдруг сорвался с трапеции и разбился прямо на представлении. Зато в каком восторге были зрители!..

Я отказывался верить собственным ушам. Хотя чего еще можно было ожидать от людей, занимающихся киднеппингом? Но все равно разум пытался отыскать какие-то отговорки, оправдания, намеки на ложь или напрасные наговоры. Такого просто не может быть в моей родной стране! Такого просто вообще не может быть во Вселенной.

Но печальные глаза изувеченного в детстве мэтра лгать не могли. Каждое сказанное его губами слово было правдой. А то, что правда была высказана равнодушно-омертвевшим тоном, пугало еще больше, чем если бы он кричал, вопил и брызгал во все стороны истерическими слезами.

Из моих легких только и вырвалось фанатичное, сокровенное желание:

– Тогда здесь все надо сжечь! Лишь огонь очистит эту землю!..

Клоун взглянул на меня с покровительственным интере-

сом:

– Экий ты... резкий!

И в следующий момент он стал резко бледнеть. До нашего слуха донеслось мощное женское контральто:

– Ленечка! Дорогой! Я лечу к тебе!

– Это Плата – жена хозяина! – Губы парня дрожали и проступали синевой даже под гримом. – Прячься! Под кровать! И сиди как мышь, что бы ни случилось!

Его тон не допускал и малейших возражений, поэтому я юркнул за занавеску и с огромным трудом втиснул свое распухшее от последней кормежки тело под кровать. Втиснул, а потом с ужасом представил, что случится, если на эту кровать кто-нибудь завалится. Но даже шевелиться было поздно: невидимая женщина уже находилась в гримерной и с хорошо слышимым бесстыдством домогалась Леонида:

– Ну! Чего ты сегодня такой недотрога? Я так по тебе соскучилась! Так хочу тебя приласкать и обнять.

– Ага! Заметно было вчера твое желание меня ласкать и обнимать.

– Ну не обижайся, котенок! Я ведь такой нервной бываю из-за этой дурацкой работы. Порой сама себя не узнаю. Ну! Обними меня!

– Угомонись, Плата! Сюда сейчас Мохнатый вернется, да и остальные уже на манеж сходятся. Еще и карлика нового за мной следить приставили, где-то здесь вертится. Представление вот-вот...

– Это ты угомонись! – в раздражении воскликнула женщина. – В гробу я видела твоего Мохнатого вместе с его карликами!

– Точно что видела.

– Не смей мне дерзить! Я ведь пришла сюда, чтобы тебя обрадовать: представление отменяется! Напоила кого следует и все устроила. Так что ваш орангутанг и в самом деле сейчас вернется, но лишь для отмены представления. После чего ты сразу отправишься ко мне, дверь на зеленой веранде оставляю открытой. И попробуй только хоть на пять минут где-то задержись!

Властный голос замолк, сменившись перестуком каблучков. Хозяйка поместья, а может, правильное сказать, супруга владельца поместья, удалилась. Я со стонами и хрипами выбрался из-под кровати и опять выглянул в гримерную. Леонид стоял посреди помещения, плечи его поникли, а из глаз текли крупные слезы.

– Ну, ты чего? – приблизился я к нему и попытался потрепать по плечу. – Нам нельзя плакать. Мы с тобой тогда слабеем. А слабесть нам вообще никак нельзя.

– Как я ее ненавижу! – воскликнул клоун, сжимая в бессилии кулаки. – Как я эту тварь ненавижу!

Мне хотелось еще какими-то словами утешить или подбодрить несчастного калеку, но тут и в самом деле послышался издали взбешенный голос Мохнатого:

– Мать вашу! Представление отменяется! Все по нормам! И

не дай бог кого пьяным завтра после обеда поймаю! Репетировать будем! – Заскочив к нам, он только хищно оскалился и рыкнул: – Мэтр, новенький у тебя под личной опекой! Продолжай его учить и готовить к выступлениям. Сам потом больше заработаешь.

И опять умчался куда-то из шатра. Клоун безысходно вздохнул, подошел к умывальнику и стал смывать раскраску с лица. При этом он бормотал:

– Все, все делается так, как хочет эта стерва.

– Так не ходи к ней, – посоветовал я, подходя ближе.

– Ха! Ты себе не представляешь, на что она способна в своей мстительности и необузданном бешенстве.

– Так зачем ты с ней связался?

– Скорее всего, это не от меня зависело. Но лет шесть назад, когда Плата еще блистала своей красотой, мне даже льстило ее внимание. Это уже позже я узнал, что она с кем только не якшается: и с Мохнатым, и с акробатами, и с тем самым карликом, который уже ныне покойник. Но если с ними она балуется время от времени, то мне больше всех не повезло, почти своей собственностью считает. До сих пор поражаюсь, как это муженек ее меня не пришиб. По некоторым слухам, в первые годы их совместной жизни он более десятка ухажеров своей благоверной на тот свет отправил. А сейчас, наверное, просто устал хоронить их за свой счет.

– Так ты все-таки пойдешь... – протянул я полуутвердительно.

– Пойду. И мы будем гоняться друг за дружкой по всей спальне словно сумасшедшие. Эта дура обожает секс, напоминающий скорее американский футбол, чем человеческие ласки.

Глядя на его вздрагивающие не то от рыданий, не то от интенсивного умывания плечи, мне самому плакать хотелось. Но с другой стороны, я понимал, что каждый лишний час пребывания в этом гнезде пороков и преступности может обернуться самыми трагическими последствиями для моей жизни. Поэтому следовало поторопиться с побегом.

– Слушай, а можно, я с тобой пойду? Ну, хоть осмотрюсь немного в поместье, на людей посмотрю, еще с кем познакомлюсь.

Оценивающе на меня поглядывая, Леонид стал вытирать лицо и шею, заодно прокручивая в своих мыслях какие-то варианты. И раскусил меня сразу.

– Все-таки тебя здесь ничто не удержит. – И тут же добавил: – Но я ничего не имею против. Даже помогу по возможности.

– А тебе за это ничего не будет?

– Подгадаем все так, что о моем содействии и не заподозрят. Завтра уж точно представление состоится, и вот сразу после него я тебя и запихну под крышу фургона, перевозящего лошадей. Их сразу после представления должны отправить в другое поместье на пастбище. Оттуда уйдешь легко и незаметно, там ферма открытая и без бандитской охраны.

– Ой, спасибо!..

– Рано благодаришь, – отмахнулся клоун и быстро стал переодеваться в повседневную одежду. Мне тоже швырнул некое подобие фирменного пиджака: – Надень! В нем наш карлик всегда на парад-алле выходил. Меньше к тебе внимания будет во время прогулки. Ну а если все-таки приставать начнут с вопросами, можешь смело утверждать, что по моему распоряжению что-то ищешь. А то и вообще на госпожу Плату все вали. Дескать, сказала тут ее дожидаться. Ее все боятся, так что с уточнениями к ней обращаться не пожелают.

– А куда заходить вообще не следует?

– К главным воротам и домику охраны возле него даже не приближайся. Ну и весь забор под видеонаблюдением. В самом доме не вздумай в чердачное помещение подниматься, кажется, у них там не то лаборатория, не то склад наркоты. Ну и под руку пьяным гостям старайся не попадаться, они тут порой такое вытворяют...

Глава четвертая

Побег или эвакуация?

Когда мы уже вышли из шатра, мэтр указал в сторону, где компактно размещалось с десятков небольших передвижных домиков-прицепов:

– Там все остальные артисты спят. В самом шатре только мы, наш эскулап да Мохнатый. Всегда можешь к нашим обращаться за помощью, в большинстве они вполне нормальные. Только шефу и доку не верь, гниды последние.

А затем с отчаянной бесшабашностью решил еще и круг сделать по периметру главного дома. Оправдывая свое опоздание на свидание тем, что если меня увидят рядом с ним, то впоследствии меньше будут обращать внимания. Сделали мы обход довольно резво, и Леонид меня оповещал о каждой детали, на которую наткнулся его или мой взгляд. Так что, когда он отправился на свою каторгу к хозяйке поместья, я уже отлично ориентировался в обстановке. Мы договорились дожидаться друг друга возле той самой зеленой веранды часика через полтора. В крайнем случае, если мэтр слишком задержится, он наказывал идти спать в подсобку, на кровать второго уровня.

И я наконец остался относительно свободен. Затухающая дискотека, зал с караоке и многочисленные столы с едой,

расставленные где ни попадя, меня совершенно не интересовали. А вот навязчивая мысль сбежать именно сегодня, да еще и наделать при этом максимальное количество шума меня невероятно возбуждала. Слишком уж возненавидел я это место, чтобы просто исчезнуть отсюда без пыли и шороха.

Несмотря на приближающийся рассвет, спать не хотелось совершенно, энергия в теле была ключом, а мозги в головешке работали с интенсивностью академии наук. Но удивляться собственной решительности, сообразительности и бесстрашию было некогда. Действовал как заводной, только и старался сдержаться да не перейти на бег, иначе сразу бы привлек к себе излишнее внимание.

Первым делом поспешил к выступающему чуть в стороне кубу небольшого здания, в котором сосредоточивалось все управление пожарной безопасностью поместья. Еще когда Леонид мне на него указал, я удивился отсутствию отдельной охраны такого важного, по моему мнению, объекта. Косность мышления! Хотя ни одного окна на блоке не существовало, да и стальная дверь оказалась накрепко закрыта на электронный замок, но что такому спецу по любым взломам Сети, как я, обычный наборный замок из девяти цифр? Раз плюнуть и вскрыть, пока слюна не успела достичь земли.

Внутри я тоже не стал слишком мудрствовать и тратить время: просто отключил все скопом да аккуратно выдернул одну шину из системы. Только знающий специалист всего этого хозяйства быстро заметит отсутствующий мостик, без

которого ни одна лампочка здесь не мигнет.

Вторым делом я подался к хозяйственным строениям, возле которых стояло два грузовика, отыскал нужный набор ключей и открутил пробки бензобаков. Один, правда, оказался с дизелем, но по большому счету смесь от этого не станет менее горючей.

Ну и напоследок прокрался к частному паркингу, расположенному на острие треугольника: центральный дом – подсобные строения – сам паркинг. Сильно позабавило, что почти во всех замках зажигания оставались ключи. И там выборочно тоже слил топливо из некоторых машин. То есть у меня была вполне простая задумка: сжечь роскошные лимузины на стоянке, оба грузовика вместе с подсобными строениями и в создавшейся шумихе, при обязательном наплыве машин «скорой помощи», пожарных и милиции, преспокойно покинуть территорию поместья.

Похитившую меня тетку я решил не разыскивать, предполагая, что ей и так от судьбы вскоре достанется по самые уши. На Мохнатого тоже нарываться не стоило, ну а невинные жертвы при пожаре меня как-то не слишком-то и беспокоили. Как и в логове зраков, крепости Дефосс, невинные как таковые мною здесь не наблюдались. Ну разве что подневольные частично артисты, но за тех волноваться не стоило, в любом случае пожар до отдельно стоящих на лугу караванов никак не доберется.

Единственный человек, о судьбе которого я не на шутку

переживал, оказался клоун частного цирка. Именно поэтому я старался как можно чаще проходить мимо зеленой веранды и посматривать на точку нашей условленной встречи. И насколько я был шокирован, когда увидел там Леонида сидящим на траве, голого и сотрясающегося от рыданий!

Освещения хватало, поэтому я первым делом подумал о его ранении. Но ни крови, ни прочих следов каких-либо издевательств так и не обнаружил. После чего пришлось десятком усиливающих пощечин выводить парня из транса. Лишь когда он стал прикрываться от ударов и взглянул на меня более осмысленно, я зашипел ему в лицо:

– Что случилось?! Ну! Говори!

Пришлось его еще и встряхивать, поэтому слова из безвольного рта выдавливались буквально по буквам:

– Я у-б-и-л е-е!

«Вот так дела! Теперь парню точно крышка! Да и весь мой побег под большим вопросом: не только самому спастись придется, но и этого мэтра за собой тащить!» – эти мысли у меня мелькали на бегу, когда я ворвался в открытую дверь веранды, промчался в душную спальню и при свете многочисленных свечей рассмотрел самую итоговую сцену трагедии. Покойная хозяйка, видимо, и в самом деле любила слишком бурные постельные сцены, потому что все простыни, подушки и одеяла валялись по пространству спальни, словно после пронесшегося урагана. Сразу стала понятна и причина смерти: вспухшее кровоизлияние на виске женщи-

ны. Видимо, американский футбол лучше практиковать на травке, где нет твердых, выступающих предметов. А здесь или сама споткнулась, или внутренне ненавидящий любовник слишком уж приложился в толчке – и результат налицо. Вернее, на висок: врезалась в выступающий угол массивной мраморной подставки – и финита ля комедия.

Убеждаться в смерти лежащего на спине тела даже не стоило. Так живые не лежат. А вот на поиски одежды Леонида я потратил непозволительные в данной ситуации три минуты. И уже когда бросился к выходу, краем глаза заметил, что одна из свечей прогорела настолько, что стала тлеть лежащая возле нее подушка. Первым естественным стремлением было предотвратить пожар, но мысленный стопор остановил на месте: «Не того ли мне хочется?! Сама судьба наказывает это поместье вместе с хозяйкой! И что? Да так им и надо!»

Окаменевшего в трансе мэтра я застал на прежнем месте и, совсем его не жалея, вновь принялся приводить в чувство пощечинами и даже пинками:

– Шевелись! Быстрее! Иначе тебя здесь и закопают. Одевайся, а не то тебя поджарят, словно отбивную на костре!

Кажется, подействовало. Леонид стал соображать, двигаться и одеваться. Мало того, все время бросал взоры в сторону веранды и поэтому первым заметил легкие отблески мерцающего пламени:

– Там что, пожар?!

– Да не ори ты так! Покойница слишком любила свечи и

разбросанные подушки, – перечислял я, силком волоча его за руку в сторону автостоянки. – Вот и доигралась. Зато теперь все свалят ее собственную смерть на ее же неосторожность.

– Да нет, это я виноват! – причитал все время оглядывающийся парень. – Она меня чуть насмерть не придушила своими телесами, и я слишком резко ее оттолкнул.

– Ха-ха! Ну и молодец, – язвил я. – Иначе она тебя задушила бы и сейчас бы тебя закапывали возле ям с отбросами. Да! Ты машину водить умеешь?

– Конечно. Мы ведь переезжаем часто.

– Отлично! Тогда садись под этим кустом и замри. Надо будет осмотреться, после того как здесь станет жарко.

Он что-то там восклицал мне вслед, но важнее было, что при этом дисциплинированно замер под кустом и не делал попыток куда-то двигаться. Поэтому я уже с облегчением добрался до заранее намеченного места и воспользовался трофейной зажигалкой. Благо позаимствовать из любой машины что угодно можно было без труда.

Со стоков полыхнуло жаром. Одна ветка огня помчалась к подсобным строениям, вторая – к паркингу. Первым полыхнул грузовик с бензиновым мотором. Следом за ним занялась легким пламенем «хонда» на стоянке. Тут же в унисон загорелся и второй грузовик вместе с наружными стенами построек. Отделанные деревом, они горели так душевно и яростно, что уже через полторы минуты пламя достиг-

ло крыши. За те же полторы минуты пламя взмыло и над несколькими лимузинами гостей и хозяев поместья. А пока я добрался до Леонида, первые языки пламени взметнулись и над главным домом.

Вот тут и началось самое веселье. Причем дикие вопли и заполошные крики вдруг перекрыло с десятков выстрелов, раздавшихся со стороны дискотеки. Тем не менее музыка так и продолжала звучать, усиливая панику и неразбериху. От главных ворот к дому помчалось человек пять охранников, волоча в каждой руке по огнетушителю. Во все стороны метались люди, порой совершенно голые; часть из них бросилась к машинам, пытаясь не только спасти свое престижное имущество, но и стараясь при этом как можно быстрее покинуть жаркое место.

Вот именно на такие действия я и рассчитывал. Усядься мы раньше в чью-то машину, могли нарваться на озверевшего от паники хозяина и попасть в переделку. А так, когда первая волна с рычанием моторов и звоном бьющихся подфарников вырвалась с паркинга и на скорости принялась покидать поместье, стало понятно, что и нас никто особо не остановит. Ближайший внедорожник с боковыми тонированными стеклами оказался для этой цели как нельзя кстати: и ключи есть, и хозяина пока не видно, и огромное кепи на пассажирском сиденье справа от водителя лежит. Поэтому я затолкал Леонида на место водителя, напялил кепи ему на самые глаза и рявкнул в оттопыренное ухо:

– Гони!

Я бы и сам предпочел выехать, благо отец тоже давно научил меня водить машину. Но следовало поднять максимально сиденье, подложить подушку, а на это у нас и минуты не было. Да и все равно на воротах могли бы удивиться слишком низкорослому водителю. Сам же я вознамерился втиснуться в нишу под бардачком, но вначале и туда заглянул. В лучших традициях бандитских сериалов там лежал внушительный на вид пистолет, оказавшийся, правда, при ближайшем рассмотрении не боевым, а газовым. Но и то хлеб! Хоть какое, а оружие. Теперь с ним нам легче и через ворота прорываться в случае задержки.

Перебрался на заднее сиденье и приготовился быстро опустить стекло в случае чего и стрелять по охранникам. Тогда как консультации по поводу предстоящего развития событий из меня лились без остановки:

– Если вдруг прикажут остановиться – притормаживай! Но как только я начну стрелять, жми педаль до отказа и вали в отрыв. За первым же поворотом съезжаешь на первую же проселочную дорогу. Если этого маневра не заметят, едем до упора, бросаем машину и уходим пешком.

– А если не остановят?

Мы уже приближались к воротам, и парня начал пробирать озноб. Поэтому я вновь рыкнул ему в самое ухо:

– Тогда вообще переживать нечего! Ну! Фарами их слепи! Не выключай!

Перед нами тоже неслись сразу три какие-то машины, и сзади кто-то ехал. Так что два растерянных охранника даже рук не подняли. Только головами крутили, пытаясь всмотреться в лица водителей и пассажиров. Но наш джип их все равно заинтересовал невероятно. Вполне возможно, что он принадлежал самому хозяину или не менее важному бандиту. Охранники одновременно с двух сторон попытались шагнуть на проезжую часть, перегораживая путь. И как раз в этот момент сзади что-то рвануло.

Видимо, в доме имелись не только наркотики. Да и лаборатория могла быть неизвестно какого толка. Потому что первым взрывом снесло сразу треть крыши, а во все стороны брызнули веером разлетающиеся всполохи огня и сверкающих болидов.

Мужики в камуфляже окаменели на месте, поэтому Леониду не пришлось их давить, а мне стрелять. Мы так и проехали наружу, потом вписались в крутой поворот и помчались по узкой асфальтовой дороге через негустой подлесок. За нами пока никто не ехал.

– Что там так полыхнуло? – с дрожью в голосе спросил мой товарищ по побегу.

– Фейерверки, наверное, стряпали без лицензии, – пошутил я. – Больше ничего рассмотреть не успел, забор и деревья закрыли.

– Сейчас будет взгорок с прекрасным видом на все поместье, оглянись.

Мы и в самом деле через минутку вырвались на такое место, откуда просматривался и весь луг, и все... что на нем горело!

– Главному дому – полные кранты, – перечислял я. – Подсобные помещения горят наполовину, купол цирка тоже горит как свечка.

– Туда ему и дорога! – зло прошипел Леонид сквозь стиснутые зубы.

– А чего ты так гонишь? – забеспокоился я. – Вроде никто нас не преследует.

– До магистрали надо добраться как можно скорее. Сейчас сюда все пожарные ринутся и прочие службы, а дорога узкая, заблокируют, могут и поинтересоваться. Все-таки крупная шишка хозяин поместья, хоть и сволочь последняя.

Успели. Выскочили на трассу. И уже набирая скорость выше ста километров в час, заметили первые мелькнувшие нам навстречу машины патрульной службы милиции. Потом зачастили пожарные и «скорые». Кажется, переполох поднялся на всю губернию. А в такой ситуации могли начать останавливать всех подряд и проверять документы. Но уже через четверть часа мы пересекли благополучно границу края, съехали на нужную нам магистраль, проскочили по ней отрезок в двадцать километров и свернули как раз там, где меня собирались поджидать родители с автобуса. Затем по грунтовке на средней скорости стали двигаться в сторону Лаповки. Уж на эту дорогу патрульные машины только раз в

месяц, на большие праздники, забредали, так что вздохнули мы гораздо спокойнее.

Но и в саму Лаповку заезжать не стали. Уже встало солнце, когда подъехали к затопленному яру Козьмий. Здесь еще при советской власти какой-то открытый карьер по добыче песка существовал, но уже лет двадцать, как из недр прорвались грунтовые воды, откачка их прекратилась, хозяйство порушилось, и карьер превратился в озеро. Сюда изредка только на ловлю рыбы ярые любители добирались. Места глухие, вода уже почерневшая и подгнившая, и глубины, по утверждениям некоторых, – дна не достать. Да и берега слишком опасные: частенько проседали и тонули со страшным бульканьем. Так что вскоре джип благополучно сорвался с берега и канул в глубинах яра Козьмий без пыли и с полнейшим равнодушием о своей судьбе. Мне очень не хотелось, чтобы бандиты хоть как-то связали уничтожение преступного гнезда с моей родной, мирной и горячо любимой деревенькой. Да и мой новый товарищ поддержал меня во всех начинаниях.

Единственное, от чего я не смог отказаться, так это от трофейного газового пистолета. Вдруг да пригодится в ближайшее время. Да и патроны там были воздействия чуть выше среднего, но здорового мужчину минут на пять отключат в любом случае.

Дальше мне с новым товарищем пришлось часа два весьма интенсивно идти пешком, так что наговориться, обсудить

массу проблем нам времени хватило с избытком. Представился своим настоящим именем, рассказал коротко о своей семье, обрисовал жите-бытие в глухой деревне. И естественно, что в основном разговор велся вокруг того места, где мы будем отныне жить, а вернее, тщательно прятаться, как утверждал Леонид. Потому что он ни на мизинчик не поверил, что есть такие места, где его могут любить, не оскорблять и не насмехаться. Я тоже пока не спешил раскрывать все карты, говоря только намеками да этакими словосочетаниями, звучащими как:

– Эх! Хорошо было бы попасть в новый мир!..

Или:

– Как здорово в сказках: шагнул в скалу, и ты уже в новом царстве! Съел зайца, в котором утка, в которой яйцо, в котором меда кило, – и здоров! А?!

Оказалось, что мой новый товарищ, несмотря на все перенесенные тяготы в жизни, на сто процентов являлся родственной мне натурой. Он с таким восторгом откликался на каждое мое «если бы» и с таким азартом продолжал фантазировать на последующие в новых мирах события, что я просто диву давался. Кажется, он в своих грезах только и бредил неосуществимыми желаниями и несбыточными мечтами. А значит, и правду об иных мирах он просто обязан принять сразу и с восторгом.

Оставалось только правильно расставить приоритеты, и товарищ для дальнего, а возможно, и пожизненного похода в

мир Трех Щитов готов. Тем более что его ничто, никто и никак не держит на Земле. Даже весьма желательно как можно скорее с такой достопримечательной внешностью скрыться с просторов родного мира.

Ну и с родителями следовало как-то разрулить ситуацию. Машину отца, стоящую на подворье, я заметил еще издалека и с ходу принялся давать советы, как себя вести и что делать:

– Ты их не стесняйся, люди правильные, подлецов никогда не привечали, любят открытых и честных. Будем говорить не столько правду, сколько полуправду и лишь кое-что недоговаривать. И то не потому, что я чего-то боюсь или им не доверяю. Просто некоторые сведения, может, и не стоит разглашать родителям преждевременно. А почему, ты и сам позже поймешь, когда я тебе раскрою самую главную тайну нашего ближайшего будущего.

Кепи помогало мэтру прятать лицо в густой тени, чуть ли не до подбородка, но ведь в доме придется снять этот предмет одежды огородного пугала, а значит, появляется повод комплексовать:

– А как они отнесутся к моим шрамам?

– Думаю, что нормально. Тем более что я войду первый и введу их в курс дела. Договорились? – Мы уже вошли во двор, и я указал на лавку возле крыльца: – А ты пока присядь да отдохни малость.

Мать меня встретила радостным восклицанием:

– Сынок! – и бросилась без всяких затей обнимать.

А вот отец проявил мужскую сдержанность, выразившись в ворчании:

– И как твоя новая работа? Уже выгнали?

– Хуже! – воскликнул я, здороваясь с ним за руку. – Сам сбежал, да еще и одного товарища за собой прихватил. Иначе он бы там обязательно загнулся.

Родители синхронно насторожились, переглянулись и просто присели на стулья, готовясь слушать. Ну я и обрисовал события прошедшей ночи, опустив самые страшные и непрезентабельные детали. Как, например, что меня умудрились напоить ядом и банально похитить, что Леонид помог уйти с этого света мерзкой преступнице и что пожар фактически устроил и правильно организовал именно я.

После завершения рассказа отец спросил:

– И что теперь собираешься делать?

– Мы с Леонидом отправляемся в новый мир, где я уже был и где мне жутко понравилось. Там нас никто не найдет и никто не побеспокоит. Места там отличные, прекрасные. Мне только и останется, что как можно больше набрать с собой аппаратуры, технического снаряжения, оружия и научного материала для продолжительных разработок.

– Хотите стать отшельниками? – закручинилась мать.

– Ну, нечто в этом роде. А чтобы ты не волновалась, обещаю: как только мне удастся оттуда вернуться, то в следующий поход обязательно уговорю и тебя с отцом отправиться в места нашего, так сказать, затворничества. Уверен: вам там

понравится.

– «Как только удастся вернуться»? – сумел вычленил основополагающие слова отец. – А что, можешь и не вернуться?

– Естественно! – со всей возможной твердостью последовало от меня заявление. – Я человек взрослый, самостоятельный, уже сам имею право решать, где и как мне жить. А там мир просто уникальный. На сто жизней должно хватить его обследовать, изучать и радоваться. Ко всему прочему, я там вновь начну расти и за несколько лет стану вполне нормальным, полноценным человеком.

Судя по тяжелым вздохам, надежд на мое выздоровление родители особых не питали, но отец, видимо, оценил суть нашего затворничества с чисто научной точки зрения:

– Никогда отрыв от цивилизации не приносил исследователям или экспериментаторам больших результатов в работе.

– А я и не собираюсь отрываться от цивилизации! – возразил я. – И не сомневайтесь: если мне что-либо от вас понадобится, я сразу вернусь и попрошу самого максимального содействия.

Мать больше всего в этом сомневалась:

– Почему же сразу не просишь? Почему сразу нас с собой не зовешь?

– Потому что уже сегодня попрошу об очень многом, важном и многочисленном. Это – раз. А два: вы ведь сами не со-

гласитесь с нами идти! Уж я вас знаю! Ты начнешь плакаться о своем складе со сгущенкой, отец вспомнит, что не все еще списанные детальки с завода вынес. А? Правильно я говорю?

Родители смущенно переглянулись, и я поспешил закрепить успех:

– А вот уже в следующий раз мы с вами заранее оговорим дату выхода, наметим сроки похода, и все будет как в самых лучших экспедициях вокруг света!

Кажется, на эту тему мне удалось родителей успокоить окончательно, но теперь мать переживала по поводу внешности моего товарища:

– Если он и в самом деле так изуродован, то как ты к нему привыкнешь? – Словно к теме ее вопроса, на подворье слышался громкий голос деда Назара. Так он всегда по своей глуховатости здоровался с новыми людьми. – Ох! Как бы он не испугался или не обидел парня!

Но я уже первым метнулся к двери и выскочил на крыльцо. Дед Назар дружески похлопывал мэтра по плечам да с радостной улыбкой приговаривал:

– Так это здорово, что ты Борькин товарищ! А то он, поди, всю жизнь только с девчонками и дружит, остальные ребята его в свою компанию из-за малого росточка не берут. А ведь он такой душевный малый, такой умный и милый!.. И сообразительный какой!..

– Да я уже заметил, – несколько смущенно переминался Леонид с ноги на ногу. – Пробивной парень.

То есть его первая встреча с моими родственниками прошла как по маслу. Словно мои знали парня давно и хорошо. Да и сам он сразу оценил царящую в доме атмосферу сердечности и покоя. Ну а деду Назару, с его детским отношением к миру и подспудным, ассоциативным восприятием других личностей, никакие шрамы не мешали сразу рассмотреть хорошего человека. Так что, судя по его реакции, и мои выводы о новом товарище оказывались правильными.

Нас вначале усадили завтракать, и во время этого мы вновь ухохатывались по случаю моего необычного аппетита и много шутили на эту тему. В сочетании с отличным настроением шутки получались такие искрометные и зажигательные, что мать плакала от смеха, а отец ладонями сдерживал свои разболевшиеся бока.

– Нельзя! Ну нельзя так людей до смеха доводить! – сто-
нал он. – Так и умереть можно!

Смех с него как рукой сняло, когда он увидел врученный ему список со всем необходимым для дальнего похода. Пробежав глазами его до конца, он ожесточенно почесал заросший щетиной подбородок и воскликнул:

– То, что средств не хватит, ладно! Но когда тебе все это надо собрать?

Время для перехода мной уже было подсчитано и выбрано.

– К сегодняшней ночи.

Отец озадаченно ткнул пальцем в одну из строчек:

– Два арбалета! Да еще и самых современных?! И по три сотни болтов к каждому? Ты себе представляешь, как их трудно будет и купить за такое короткое время, и оплатить?

– Па! Все, что обведено красным, – надо покупать обязательно. Иначе сроки ухода весьма негативно скажутся на тех людях, которые нас очень ждут.

Родители переглянулись, тяжело вздохнули, и отец ожесточенно почесал затылок.

– Ладно, постараемся. – И отдельно для матери добавил: – Проверь зарядное устройство в машине для мобильных и свою записную книжку. Как только появится кубертура, начнем тормозить всех нужных людей.

Глава пятая

Надменные горянки

На обед гости с Пимонских гор так и не заявили. А вот на ужин пришли самыми первыми. Причем по сторонам особо не осматривались, а получив свои подносы, показали неслыханную прореху в своем воспитании: каждая выложила возле себя на стол книгу и продолжила читать на выбранной странице. То есть вели себя как настоящие, совершенно невоспитанные дикарки.

Сидящая через два стола Мансана не сводила с них взгляда, то краснея от негодования, то бледнея от преддверия предстоящих разборок. Емляну она торжественно поклялась, что даже не приблизится к сестрам Борея и уж тем более не сделает попыток с ними заговорить. Но стоило видеть, каких усилий стоило ей сдерживать свое слово!

Наконец она не выдержала и бросилась к владельцу гостиницы, который каждые две минуты обеспокоенно заглядывал в зал харчевни.

– Нет, ты видел, дядя, как они себя ведут?! – На поглядывающего с улыбкой в их сторону рыцаря охраны, который уже разместился на боевом посту, она внимания не обращала. – Читать во время еды! И почему ты им не сделаешь замечания? На этих девиц косятся, как на свалившихся с неба

кречей!

Емлян осудительно покачал головой и добродушно прогудел:

– Девочка, чего ты такая нетерпимая к этим красавицам? Тем более что им еще предстоит услышать такую печальную весть.

– Только это их и оправдывает, – продолжала злиться девушка. – А лица у них какие надменные, какие спесивые!

– Что-то я тебя не пойму: если ты настолько симпатизировала Борею, то почему настолько невзлюбила его сестричек?

– И я не пойму, – призналась Мансана, нервно оглядываясь на вход в харчевню. – Вот не нравятся они мне, и все тут! Наверное, потому, что они с самого детства над более слабым братом издевались. Он из-за них и стал таким рассеянным, наивным и неосторожным.

– Нет, дорогуша! Так себя вести нельзя! – Теперь уже и хозяин пейчеры рассердился. – Вспомни о своем воспитании и правилах хорошего тона. Не хватало только нам, столичным жителям, задирать нос перед людьми из дальних провинций. И не забывай о своих обещаниях сдерживаться от любых разговоров до завтрашнего дня. Пусть Круст вместе с вашшунной вначале доведет печальную весть до сознания родственниц, а уж потом будешь вести с ними беседы и выяснять, кто кого в детстве больше обидел.

От такой отповеди Мансана смутилась и согласно кивнула головой:

– Хорошо, дядя, я буду сдерживаться. Это у меня, скорее всего, от плохих воспоминаний о той ночи. Кстати, как ты думаешь, может, мне на завтрашнюю встречу и Басну захватить?

– Вот это правильно! И в самом деле, сестренку захвати. Ей будет очень полезно посмотреть, как опытная вашшуна работает на успокоение эмоций.

Они еще обговаривали последние новости обучения десятилетней Басны, когда из харчевни выскочила Светия, помощница на раздаче, и деловито доложила не столько своему работодателю, сколько своей подруге:

– Подносы за собой не убрали, а сразу подались в свою комнату.

Емлян вздохнул с облегчением:

– Благоразумный поступок. Нечего засиживаться допоздна, а лучше раньше лечь и хорошенько выспаться после дальней дороги. Чем больше у человека сил физических, тем легче он воспринимает плохие новости.

Зато Мансана и тут высказалась нелицеприятно:

– Мне кажется, эта троица никаких человеческих эмоций не испытывает, кроме желания со всеми поругаться по любой причине! – Но после осудительного рычания со стороны дяди больше говорить на эту тему не стала, а обратилась к подружке по малозначительным, текущим делам.

И когда они уже обе отправились в сторону харчевни, им навстречу вдруг и вышли все три гостя. Причем на этот раз

они были облачены в совершенно иные уникальные одежды. Нельзя было сказать, что подобного в Рушатроне не носили женщины, считающие себя воительницами, но масса различных деталей, комплектация костюма, расцветки деталей, амуниции, изысканной обуви и оригинально украшенные пояса со шпагами заставили всех находящихся в холле гостиницы буквально остолбенеть от увиденного. Отдельный лоск каждой красавице придавали собранные в хвост волосы и заливчатски прикрепленный к голове берет золотистого цвета. Подобные носили женщины, причисляющие себя к статусу вольных наемниц. Хотя у тех и несколько отличались боевые костюмы. То есть общий стиль получился не столько новый, сколько оригинальный, режущий глаз своей необычностью, но в то же время завораживающий изысканностью, тонким вкусом и высоким стилем некоей тайны.

Вдобавок теперь отчетливо стало видно полнейшее сходство двух девушек, и даже близорукий полуслепец не засомневался бы в том, что они близнецы. Если раньше они довольно грубо отличались всем, особенно по-разному наложенной косметикой, то сейчас выглядели, словно два совершенно идентичных бриллианта, украшая собой третий, если с ним можно было сравнить самую старшую, Марию.

Вот потому и повисла в холле мертвая тишина, в которой стук каблуков трех пар сапожек разносился на всю пейчеру. Причем глаза у мужчин округлились от восторга, а челюсти отвисли от вожделения. У женщин лица потемнели от зави-

сти, ну а конкретно Мансана чуть побледнела от неосознанной, совершенно в данном случае неуместной ревности.

Единственный, кто сумел сохранить на своем лице некое подобие равнодушия и услужливости, остался Емлян. Именно к нему хоть вежливо, но с холодностью и обратилась старшая из сестер:

– Мы отправляемся немного прогуляться и посмотреть на город. – Произношение горянки казалось жутким, но говорила она с таким апломбом, что не понять ее было нельзя. – Когда Борей вернется, передайте ему, пожалуйста, чтобы нас ждал в номере.

– Хорошо, – склонил голову хозяин гостиницы. – А вы надолго?

– Два, максимум три кара, – с каким-то сомнением сказала Мария. Но дождавшись соглашательского кивка, облокотилась на стойку и заговорила почти шепотом: – Надеюсь, Борей здесь ведет себя хорошо?

– Можно и так сказать, – улыбнулся Емлян. – По крайней мере, ничего не разбил и никого не покалечил.

– Ну, мы в этом и не сомневались. А вот чего это все остальные на нас так уставились? В нашей одежде что-то не так?

– Да нет, все в тему и в едином стиле. Просто масса деталей выглядит... э-э-э... несколько более свежо и более оригинально, чем в повседневных традициях.

– Всего лишь? Ну это не страшно, на самых первых мод-

ниц всегда смотрят с некоторым непониманием. Или у вас здесь с понятием моды – сплошной консерватизм?

Хозяин гостиницы немного задумался, правильно ли он понял суть вопроса, и ответил весьма дипломатично:

– Для прекрасного – нет границ! – но тут же добавил: – Хотя я сильно удивлен, что у вас в Пимонских горах умеют шить такие оригинальные, стильные одежды.

Теперь задумалась Мария. И только после шевеления своими прекрасными бровями выдохнула:

– Влияние Заозерья.

– Я так и подумал. А?..

Но рвущийся вопрос остался совершенно невежливо проигнорирован, и гордые уроженки диких гор поспешили к выходу. Видимо, очень уж хотели поскорее произвести впечатление на окостеневших в своем консерватизме столичных жителей.

Зато на некоторых они его уже произвели. И теперь Мансана еще больше их недолюбливала.

– Вырядились, как огородные пугала! Порядочным девушкам так вообще стыдно выходить на улицу!

Слышавший каждое слово воин охраны хохотнул и не сдержался от наущения:

– Ты только такое в присутствии вольных наемниц не ляпни.

– У тех совсем другая форма! – запальчиво возразила девушка.

– Разница небольшая, а стиль один. Да и берет полностью одинаков, – степенно продолжил воин. – И смотрятся они... – Он от восхищения зацокал языком. А потом под одобрительное хмыканье остальных мужчин с фривольностью добавил: – С такими красотками не только в одном строю воевать можно!

– Ну ладно, хватит здесь шуточки шутить! – осадил смешки хозяин гостиницы. – Да и молодежь нечего вгонять в краску. Все, Мансана, не создавай здесь толпу. Или домой, или помощи в харчевне.

Но девушка, словно что-то вспомнив, уже спешила к выходу.

Тогда как на улице, выйдя из гостиницы и осматриваясь в выборе направления, Вера пыталась отчитать Марию:

– Ну и зачем ты к нему лезла с вопросами об одежде? Вдруг твой ответ о влиянии Заозерья не подошел бы?

– В самый раз! Они просто и знать ничего не должны ни про Пимонские горы, ни про Заозерье. Ведь недаром Борька для себя и для нас такую легенду подобрал.

– Сообразительный, – похвалила Катерина. – Так ловко и устроиться сумел, и все остальное продумать. И книги купил, и о нас предупредил.

– Чего ты его так нахваливаешь? – рассердилась Мария. – Лучше бы он сам нас встретил да все лично рассказал, чем мы эти заумные книжки должны были вычитывать.

– Ну так, может, он слишком занят?

– Чем?! Чем он может еще заниматься, как не обезопасить и подстраховать нашу встречу?! – еще больше разозлилась старшая сестра и пригрозила. – Ну! Пусть я только до него доберусь! – но тут же замерла и прошептала почти не шевеля губами: – О! Опять эта девица за нами следит. Ха! Заметалась, голубушка. И что теперь? Ага, словно по делу куда-то помчалась. Ишь ты, любопытная выискалась. Ох, не нравится она мне! Противная, смотрит нагло, бесстыже. Я за себя не ручаюсь, если она еще раз на нас пялиться станет! Коза!.. Ладно, девочки, двигаем вон к той улице, а там на месте осмотримся.

И три красавицы, раздвигая толпу прохожих лишь одним своим внешним видом, отправились знакомиться с Рушатроном, столицей империи Моррейди.

Глава шестая

Затянувшиеся сборы

Поданный мной список и в самом деле оказался для отца «неподъемным». Причем не столько по средствам, которые он все-таки мог раздобыть, как по срокам заготовок. Ну никак не получалось смотаться в город, собрать все нужное, да еще и вернуться к вечеру. Так что, немного посомневавшись и решив, что за одни сутки с подругами в Рушатроне ничего плохого не случится, я решил перенести переход в мир Трех Щитов на вечер понедельника. Все-таки не на месяц отправляемся, а то и не на год. Возможно, всю жизнь придется в новой среде прожить, сожалея, что чего-то не взял или чем-то не запасся.

Отец с матерью вскоре уехали в город закупать заказанные вещи, арбалеты и приборы по моему списку, а я занялся делами насущными в нашей Лаповке. Первым делом посадил Леонида за компьютер и заставил копировать на диски нужную информацию по длиннющему списку. Все-таки так намного проще, чем волочь за собой громоздкие, имеющие вес и потребляющие энергию батарей трекстеры с памятью в сотни гигабайт. Если бы у меня уже был налажен в Рушатроне отбор энергии от люменов и преобразование ее для зарядки аккумуляторов, я бы и трекстеры захватил, потому

что ненужной информации не существует в принципе, но тут уже ничего не поделаешь, приходится выбирать в угоду качеству, а не количеству. И так придется волоочь несколько громоздкие и тяжеленные солнечные батареи. Девчонки две взяли, но еще две ну очень понадобятся.

Леонид, если сравнивать с моими умениями в обращении с компьютерами, оказался скорее «чайником», но с возложенными на него задачами справлялся быстро и добросовестно. Особенно после того, как я часик потратил на его обучение и шлифовку полученных умений. Убедившись, что работа у него пошла в уверенном темпе, я стал проводить ревизию оставшихся запасов.

Девчонки забрали очень много из намеченного для такого случая числа предметов, что было и хорошо и плохо. С одной стороны, в новом мире являлось отличным подспорьем все, что они унесли. Да и нам меньше волоочь придется. Но с другой стороны, следовало учитывать простую банальную истину: если подруги попадут в какие-либо переделки, а то и под арест, то все новшества и технологии нашего мира у них просто изымут, рассмотрят, естественно – заинтересуются, и потом поди это все забери, выпроси или выкупи. Скорее всего, на внутреннем содержании трех огромных рюкзаков можно будет сразу поставить жирный крест. Так что в своих сборах приходилось в первую очередь учитывать именно этот момент и дублировать некоторые основополагающие позиции.

Затем я подался в лес для осмотра и предварительной проверки нашего тайника непосредственно возле прохода. Именно в нем мы договаривались в любом случае оставлять итоговое письмо-объяснение: кто, как, с какими целями и куда направляется. А то мало ли что получится? Вдруг в новых мирах и разминуться можно? Как, по сути, в моем случае и получилось: вон по какой немыслимой, обходной и дальней дуге возвращаться домой пришлось.

До места перехода добрался нормально, несколько раз прогулялся туда-обратно по соседним с деревом тропам, высматривая, не затаился ли кто в кустах или в густой траве, и только потом приблизился к тайнику. Весь вскрывать не стал, по внешнему виду определив, что он не тронут, а достал только письмо. И уже с этим посланием отыскал укромное место, затаился в нем, как партизан, и, с каким-то удовольствием узнавая Машкин решительный почерк, приступил к чтению.

Слишком уж подробными описаниями своей деятельности подруги не увлекались. Но и сделать они успели на зависть много полезного.

«Уходим к отшельнику, как и было оговорено в установленном время. Но решили выбраться на два часа раньше по причине завершения чистки в предбаннике».

Здесь было все понятно: «предбанником» мы называли площадку башни, и ее действительно следовало держать в чистоте и внешней неприкосновенности. Причина проста:

чтобы вдруг появившийся там Грибник ничего о нас не заподозрил.

«До этого мы в округе провели тотальный осмотр, наблюдения, поиск и выяснили много интересного. Во-первых, если смотреть на предбанник с самого низа, то людей в нем не видно. Проверено и доказано неоднократно».

Вот это да! Уникальное открытие и вполне много о чем говорящее. Мне до него в одиночку докопаться никак не светило, да и потом мы всем гуртом только и предприняли спуск на веревках и осмотр лишь щелей в стенах башни. Молодцы девочки! Догадываюсь, как они страховали друг друга и переговаривались по рациям. Теперь получалось, что при обороне башни этим делом мог заниматься один-единственный человек, совершенно при этом невидимый для нападающих. Придя к такому ничего пока не значащему в личной безопасности выводу, я продолжил чтение.

«Много времени потратили на поиск пустот в основании, но входа так и не отыскали. Копать огород не стали, могли слететься вороны...»

Мы обсуждали этот момент, намереваясь когда-нибудь значительно раскопать землю вокруг основания башни и так-таки разыскать вход во внутренности. Раз есть уходящая вниз от щелей крутая лестница, значит, и подземелья должны быть. Ну а что еще может быть в подземельях, кроме сокровищ? Это сейчас я понимал, что никаких подвалов, скорее всего, и нет, подобных строений по всем мирам может

быть неисчислимым множеством, и хранить в них хоть что-то – полнейший нонсенс. Скорее всего, во внутренности попасть можно, только лишь узнав какой-то особенный секрет, а то и вообще только с помощью крутой волшбы или непонятной системы перехода.

Ну а под воронами имелся в виду все тот же Грибник, которому сверху могли броситься в глаза ведущиеся раскопки.

«Два дня потратили для дальнего похода. И не зря. Вначале выбрали самую высокую точку среди холмов на горизонте. Затем интенсивным марш-броском достигли нужной вершины. Прибыли туда уже глубокой ночью, переночевали, а вместе с восходом солнца осмотрели противоположный от предбанника горизонт. В пределах еще двух переходов вполне отчетливо видна кромка леса. На всей остальной площади никаких изменений не замечено...»

Ха-ха! Лепота! Значит, Дикий мир – не настолько уж и дикий! И уж точно не безжизненная пустыня. Не знаю, почему меня это так обрадовало, но на душе стало легко и спокойно. Скорее всего, моя мысль может оказаться не такой уж и абсурдной: устроители башни просто уничтожили вокруг своей постройки все живое в радиусе более ста километров! Могло такое быть? Еще как могло! После того что я увидел в Сияющем кургане, создание карантинного пояса вокруг ценного объекта – это всего лишь детские забавы для всемогущественных создателей переходов. Все выжгли или облучили, заполнили озера бессмертными хищниками,

а вдоль дальней границы еще излучателей со смертельными для всего живого импульсами наставили. Почему вдоль дальней? Да потому что внутри сами частенько ходят, чего собственной шкурой рисковать?

Ну, как-то так. Потому что фантазировать на эти темы можно сколько угодно и все равно не угадать. Но то, что в Диком мире существует жизнь или хотя бы буйная растительность, – феноменально! Знали бы сразу, не рисковал бы я переходом в мир Трех Щитов. Глядишь, и в самом первом мире могли бы отыскать массу интересного, загадочного и романтического. Но теперь чего уж там! Вначале не удалось вырваться обратно, позже девчонки поспешили за мной, теперь мне придется переться за ними.

«На следующий день после похода, – читал я, – решили глушить рыбку в ближайшем озере. Вначале дразнили рыбку камнями, потом забросили крюк с мясом на толстенной веревке, закрепленной на скальном обломке. Никто не пострадал, кроме веревки и обломка, со страшной силой затянутых в воду. После чего мы использовали две пустышки и четыре леденца. Рыбка так и не всплыла, зато стала заметна буря в соседних водоемах, волны там вздымались странным образом на высоту до десяти метров. Пришла мысль, что это не рыбка, а единый спрут, имеющий в каждой луже по конечности. Плюнули на все и благоразумно вернулись к предбаннику...»

Прочитав эти строчки я, разволновавшись, воскликнул:

– Затеяники-массовики, оборзевшие, неподконтрольные!

Слишком уж резво девочки взялись за неизвестную рыбку. А если их вывод окажется правильным, то опаснее существа нет во всей Вселенной. По большому счету к этим озерам с чудесной питьевой водой вообще на сотню метров приближаться не стоит. Мало ли какой длины щупальце у этого единого организма может оказаться. «Пустышками» мы называли легкие самодельные взрывные устройства фугасного действия, и они использовались лишь для создания звукового эффекта. «Леденцы» уже больше смахивали на боевые, осколочные гранаты, и мы их успели сделать до моего ухода в мир Трех Щитов целых шесть штук. Можно себе представить недовольство водного зверя, когда одна из его конечностей оказалась то ли оторвана, то ли порядочно изувечена.

Хорошо, что все для любительниц рыбной ловли обошлось благополучно. Но в любом случае программу по исследованию озер можно считать закрытой навсегда. Даже при удачном возвращении на Землю и последующем исследовании Дикого мира к озерам лучше не соваться. С таким масштабным монстром маленькому коллективу исследователей никогда не справиться. Да и какой с этого будет толк, если чудовище все-таки погибнет, допустим от яда? Вода в округе окажется заражена токсинами разложения, если еще чего похуже не произойдет.

Концовка письма радовала бодростью и оптимизмом:

«Все дела завершили, родителей о дальнем походе преду-

предили. Если отыщем этого (слово тщательно зачеркнуто) отшельника, он у нас попляшет!»

Хм! Кажется, намек в мою сторону, что мне достанется за опоздание. Ну ничего, пусть пару часов сами в стенку лбами да коленками потыкаются, вот тогда и пляшут сколько им вздумается. Еще посмотрю, как вы в том лабиринте себя вести станете. Небось сразу домой к деду Назару захочется, да поздно будет. Придется меня ждать, спасителя и благодетеля! Ха-ха!

С такими злорадными мыслями сложил аккуратно письмо, спрятал его в карман, осмотрелся из своего укрытия и, выйдя на тропу, поспешил в деревню. И все-таки строчки только что прочитанного послания так и прыгали перед глазами, иначе как можно оправдать появление совершенно незамеченного мной мужика, который шагнул из кустов на тропу и перегородил мне дорогу.

– Та-а-ак, – протянул он строгим голосом. – А ты чего здесь гуляешь? Да еще и без родителей.

Редко мы с ним виделись, потому и не узнал. Зато я уже был далеко не мальчиком и фыркнул в ответ с позволительной для любого взрослого человека издевкой:

– Мне что, с родителями до самой пенсии в лесу ходить положено?

Участковый нашей Лаповки стал присматриваться ко мне более внимательно, а потом крякнул, узнав:

– Ивлаев! То бишь... э-э-э... Боря?!

– Старее, дядя Петр, старее, – подначил я его.

– Зато ты вечно молодой! – не остался он в долгу.

– Да и вообще, вы вроде как на пенсии уже? – не обиделся

я.

– Больше года, почитай. Да только никого взамен не назначили, вот и приходится на общественных началах деревней заниматься.

Всех последних новостей и местных пертурбаций я не знал, так что в ответ лишь пожал плечами да развел руками. Мол, времена такие. Хотя и от вопроса не удержался:

– А чего нашей Лапой заниматься? Тишь да благодать, да три десятка божьих одуванчиков проживает.

Когда-то участковый сам так любил называть всех людей пенсионного возраста, поэтому постарался обиду не показать. Хотя она и так ощущалась в его словах:

– И не три, а почитай пятьдесят человек живет. Да и приезжие к нам летом как по воду святую прутся. Чай, места у нас наилучшие по чистоте своей да целебности.

– Это точно, дядя Петр, – согласился я, пытаюсь обойти внештатного теперь участкового по кустам и продолжить путь. – Ладно, счастливо!

Но он опять перекрыл мне путь своей огромной ручищей:

– Постой! Ты тут никого не видел из чужаков?

– Да нет! А что случилось?

– К Вакулине сын с невесткой приехал, ну и пошли вчера в лесочек прогуляться. Дело молодое, прилегли на травку,

целоваться начали, а потом того грибника и заметили. Шибко подозрительным он им показался.

– Ну, мало ли тут таких ходит, – старался ответить я с полнейшим равнодушием, хотя внутри что-то екнуло, а сердечко затрепетало как сумасшедшее.

– Да ты Фрола должен знать, он года на четыре тебя всего старше, с сызмальства здесь и даже каждого чужака в лицо знает. А этого в первый раз видел.

– Откуда и куда тот направлялся?

– Со стороны скал, куда-то в эту сторону.

Я постарался за смехом скрыть свое растущее напряжение.

– Ну и что здесь особенного? Всегда кто-то новенький в наши края забредает.

– Да в том-то все и дело, что вчера в то же самое время еще одна странность приключилась, – решил я участковый на полное разглашение обстоятельств. – Все семейство Моховых сюда за беляками подалось. Потом хватъ – а ни старика Степана нет, ни обоих внуков. А тем – одному тринадцать, другому пятнадцать. Заметались по лесу, паника полная, орут как резаные. Хорошо, что еще один наш деревенский на шум подтянулся да и говорит: «Видел я Степана на опушке, домой он шел с внуками». Моховы бегом в деревню, а все три пропажи сидят на лавочке во дворе да головами во все стороны вертят. Как из лесу шли да что их на это вдруг подвигло – ничего не помнят. Почти! Потому как

самый меньшей, тот, которому тринадцать, смутно припомнил, что их домой заставил идти тот самый грибник, по описаниям похожий на виденного Фролом.

Я помотал головой:

– Ой, как все запутано! Вам самому, дядя Петр, не смешно от таких сказок?

Тот тяжело вздохнул:

– Смешно. Но выяснить-то надо!

– Ну, как говорится, бог в помощь! – пожелал я, все-таки обходя преграду и советуя напоследок: – Только вы у Моховых вначале поспрошайте, что они накануне ели.

– Зачем это?

– Грибы небось?

– Так сезон как раз, они и накануне собирали.

– Вот-вот! А сейчас столько мухоморов развелось, как две капли воды на беляков похожих, что просто жуть и страх. По всем сайтам интернетовским предупреждения ведутся, и настоятельно советуют вообще от грибов воздержаться. Наверняка у них длительные галлюцинации и массовое помешательство.

– Как же так?

Участковый явно был растерян такой очевидной, но совершенно не продуманной с его стороны версией и смотрел мне вслед с жутким разочарованием обманутого с наградой профессионала. Наверняка ему жутко хотелось раскрыть некий заговор грибников-индивидуалистов, которые с помо-

щью гипноза заставляют убраться с пути конкурентов.

Ладно, с этим делом запутал следствие – и хорошо. А вот что самому теперь делать? По всей видимости и здравому смыслу, вчера здесь проходил Грибник и отправился именно в Дикий мир. Скорее всего, сразу и мир Трех Щитов перешел. А если нет? Вдруг он на башне решил позагорать?

Только достаточно мне было представить, как я натыкаюсь на него прямо на площадке башни и он меня, словно кеглю, сшибает в пропасть своим посохом, так у меня затряслись и ноги, и руки, и извилины в мозгу. Сразу пропало желание куда-то спешить. Ненадолго, правда. Пока дошел на подворье, мысли о троице моих подруг, тупо колотящихся лбами в глухие стены, заставили избавиться от непозволительной для любого мужчины трусости и вновь обрести уверенность. Причем уверенность до такой степени, что я себе уже мысленно представлял, как я появляюсь на уступе, шагнув в переход, сразу поднимаю зажатый в правой руке газовый пистолет и успокаиваю любого Грибника бесшабашным выстрелом. Если понадобится – то и несколькими. Потом возвращаюсь за вещами и Леонидом, и мы уже вдвоем переходим в мир Трех Щитов. А там мне уже никакие гипнотизеры не страшны; найду где спрятаться и догадываюсь, как прожить не «отсвечиваясь».

Вдобавок и логическими рассуждениями себя успокаивал: раз хозяин межмировых дорог прошел вчера – значит, несколько недель для свободного передвижения у нас име-

ется. Ибо никогда такого не было, чтобы Грибник каждый день туда-сюда мотался.

А вот определенные меры безопасности против наших деревенских, и в особенности нашего участкового, продумать придется. Перед уходом мои подруги забрали с собой все камеры из мест наблюдения и отключили всю систему мигалок, так что восстановить прежнюю сеть никак у меня не получится. А значит, придется самому и сегодня прогуляться с кошелкой в лес для тщательного осмотра, и завтра раза два пройтись, тщательно осматриваясь. Не хватало мне, чтобы наш участковый где-то окопался с биноклем и высмотрел наши тайны! С дядьки Петра станется и не такое учудить!

Глава седьмая

Дикие провинциалки

Нельзя сказать, что прогулка по вечернему Рушатрону трех красавиц с далеких Пимонских гор осталась незамеченной. Скорее, наоборот, к слову «прогулка» можно было прибавить самые разные по значению синонимы. Начиная от «очаровательной и познавательной», заканчивая «скандальной и кровавой». Потому как три воительницы не только успели налюбоваться, восхититься красотами столицы, но и познакомиться со многими ее обитателями и гостями, поругаться с некоторыми из них, да еще и кровь пустить троим из числа наиболее приставучих. Причем своей вины в случившемся инциденте гости города совершенно не чувствовали.

Началось все с того, что, несмотря на синхронную вычитку сразу всех книг, которые Борис заблаговременно оставил в гостиничной комнате, всех традиций и норм поведения узнать ну никак не получилось. Общая история плюс довольно подробная история самой империи Моррейди дали много нового для познания уклада жизни. Правила этикета на балах тоже добавили свою лепту, но кто, скажите, знал, что после захода местного светила появляться девушкам и женщинам на улицах без сопровождения мужчин считается легкомысленным тоном? Причем если женщина верхом на

лошади, то она – воительница и ей все можно. А вот если пешком – то обычная горожанка, которая ищет фривольных приключений. И не важно, одна она, или с подругой, или с целым десятком подруг. С подобной барышней имеет право заговорить и попытаться познакомиться любой уверенный в своей неотразимости мужчина.

А таких уверенных ловеласов, донжуанов, сладострастников – в любой столице хоть пруд пруди. Вот и получилось, что первый час воительницы прогуливались и любовались городом без всяких помех, а вот потом были прямо шокированы хлынувшей на них лавиной улыбок, подмигиваний, двусмысленных приветствий и откровенно наглых предложений. Причем и сами предложения по шкале порядочности достигали полярных точек. Одни парни деликатно вопрошали, можно ли с такими очаровательными девушками познакомиться, тогда как самые матерые и грубые сразу приглашали изумительно фигуристых красавиц заглянуть к ним в спальню и приятно провести ночку, а то и другую. Некоторые не сразу отставали, когда их весьма грубо и обидно отшивали, повторяли попытки познакомиться или пригласить на ужин. Тройка особо наглых, увешанных оружием наемников так вообще сразу села на хвост и теперь плелась следом, ожидая, видимо, более благоприятного момента для усиления своего нажима. Остальные любители уличного знакомства с каждой минутой тоже все больше усиливали натиск. Самые наглые и беспардонные из них выкрикивали подоб-

ные предложения из окон второго или третьего этажа, и на их слова ничего не оставалось делать, как только скрипеть зубами да яростно сверкать глазами.

Разве что Катерина весьма кровожадно сожалела:

– Надо было взять Борькин пистолет и стрелять в каждое такое хамское рыло!

– Можно и камнем, – проворчала Вера.

На что Мария фыркнула с сожалением:

– Давно присматриваюсь: ни одного камня нигде не валяется! – Потом она в который раз оглянулась по сторонам и таки озвучила давно крутящееся у нее на языке соображение: – Опять-таки ни одной дамы не вижу без мужчины. Значит, повышенное к нам внимание озабоченных мужиков – итог нашей жуткой неосведомленности.

– Сомневаюсь, – вздохнула Катя. – Все-таки надо было меня слушаться. Оделись бы поскромнее, никто бы на нас не пялился.

– А это мы сейчас проверим. – Вера вполне мило и со всем умением истинной куртизанки-обольстительницы улыбнулась замершим рядом с ними четверем парням и спросила: – Далеко ли до Сияющего кургана?

Те, видимо, и сами мечтали заговорить с девушками, но не могли преодолеть собственное стеснение. Зато после непосредственного обращения их словно прорвало, и они заговорили, объясняя дорогу, все разом. Три подруги и так прекрасно знали, где они находятся и как вернуться к гостини-

це, Рушатрон им не казался таким уж запутанным городом, но первое знакомство подразумевало и первые вопросы, на которые хотелось получить должные ответы. Поэтому, когда добры молодцы подробнейшим образом описали весь маршрут следования к Пантеону, Мария решила выяснить свои сомнения. А то и продолжить общение с нормальными ребятами.

– Честно признаться, мы очень издалека, можно сказать, совсем из иного государства, и в вашем городе всего первый вечер. А потому никак не пойдем слишком пристальному вниманию к нашим персонам. Почему это происходит?

– Причина проста: любая дама должна после захода Светоча иметь рядом с собой сопровождающего кавалера, друга или родственника, – с готовностью объяснил один из парней. – Иначе считается, что она свободна и желает немедленного знакомства.

– Вот как плохо не знать традиций большой столицы! – досадовала Мария вполне искренне. – А наш родственник где-то запропастился по своим делам, и мы себя чувствуем весьма униженно из-за повальных приставаний.

– Если вы позволите, – склонил голову другой парень, – то мы с удовольствием проводим вас к Сияющему кургану.

– Но мы не хотели бы, чтобы ваши провожания вами же были поняты превратно.

– Что вы, что вы! – наперебой стали убеждать довольные парни. – Мы вполне понимаем ваше неведение и готовы со-

проводить вас куда угодно чисто по-дружески.

– Отлично! Тогда, может, мы вначале глянем на замок Тюйлонов?

– Но он уже закрыт для посетителей.

– Не важно, просто глянем на его наружную архитектуру.

– О! Вы не пожалеете! Вам понравится! Это совсем рядом!

Выбор девушек оказался весьма правильным и дальновидным. Теперь они перестали быть объектом неприятного внимания со стороны каждого встречного-поперечного озабоченного мужчины. Хотя и три наглеца, идущие сзади, отстать не пожелали. Так и тащились следом с весьма недовольными, можно сказать озлобленными, лицами. Но на какое-то время о них забыли, предаваясь интенсивному общению с новыми знакомыми и заваливая их вопросами обо всем, что попадалось на глаза.

Замок Тюйлонов и в самом деле оказался при ближайшем рассмотрении уникальным сооружением. Особое очарование архитектурной громаде придавали многочисленные факелы на стенах и люмены с отражающими свет зеркалами. Получалось ничем не хуже, а то и лучше, чем подсветка современных зданий на Земле в ночное время. Ну а знаний сразу четырех столичных жителей вполне хватило, чтобы интересно и подробно рассказать как о самом замке, так и об истории его возведения, про несколько жутких тайн из его прошлого и поведать кучу интригующих секретов из его

настоящего. То есть желание посетить в дневное время этот действующий музей только возросло и приняло вполне реальные формы.

А вот позднее время да почти полное отсутствие людей вокруг замка послужило прекрасным подспорьем для любителей затеять скандал, спровоцировать драчку, а то и помахать оружием. Давно сидящие на хвосте у девушек наемники четверых молодых провожатых посчитали не более чем поводом для того, чтобы сорвать на них злость и похвастаться боевой выучкой. При этом они напрасно проигнорировали непосредственные цели своих фривольных домогательств. Хотя и начали инцидент именно с обращения конкретно к Марии:

– Красавица, чего это ты с подружками выбрала таких ни на что не годных провожатых? Они небось и в постели опозорятся по своему малолетству.

– Вряд ли! – воскликнула самая старшая подруга, придерживая довольно резко кинувшегося с готовым вырваться оскорблением нового знакомого. – Ребята милые и симпатичные, только своим воспитанием и обходительностью перекроют все минусы своей молодости или неопытности. А вот вы, старикашки, уже точно опозорились своим хамством, невоспитанностью и препротивным поведением. Такое впечатление, что вы произошли от зраков!

Худшего оскорбления в этом мире, наверное, не существовало. Даже злейшие враги перед вызовом друг друга на

дуэль находили обидные слова проще и обыденнее. А тут сразу такая крайность. От услышанного даже четверо провожатых застыли на месте, а все три хама на некоторое время лишились дара связной речи от возмущения.

– Да ты... это... Как ты смеешь? – сказал наконец один.

– Сейчас я тебе... язык вырву! – стал угрожать второй.

– И зубы все выбью! – добавил третий.

– О! – громко воскликнула Катерина, преспокойно доставая шпагу из ножен. – Да эти зроекские козлы даже про оружие свое забыли!

– Ага! Решили нас словами на испуг взять, – достала и свою шпагу Вера. – Выкормыши вонючих кречей!

– И лучше бы шли спать в кровати, дяньки, – посоветовала Мария самым ехидным голосом, на который была способна. – Не то сейчас понаделаем дырочек в вашей толстой коже.

В следующий момент трое наемников, выхватив свои мечи, с яростью набросились на воительниц. Хотя следовало отдать им должное: насколько они ни были взбешены, убивать своих противниц они не собирались, стараясь бить мечами только плашмя, а вот покалечить вознамерились точно. Не хотели начинать свое пребывание в этом мире с убийства и девушки, потому что с самого начала столкновения обменялись условными словами, отрицающими смертельные уколы. При этом все шестеро полностью проигнорировали поначалу четверых молодых парней, однозначно не привыкших

воевать, ссориться таким brutальным способом и решающих все крупные конфликты только с помощью дуэльного кодекса.

Не раздалось ни звона оружия, потому что оно не соприкасалось, ни хриплых выдохов, потому что устать никто не успел. Девушки изящно увернулись от первой атаки, удивительно точно прокалывая своим более легким оружием правые руки атакующих. Пока те разворачивались, так и не ощутив до конца сковывающего руку онемения, еще по два укола им досталось в ноги, по добавочному в руку, да еще по два в мягкое место, и на этом все сражение завершилось. Разве что один из наемников, уже рухнувший на колени, попытался левой рукой перехватить меч и дотянуться им в горячке до наиболее близко расположенного к нему парня. Тот еще и своего оружия достать не успел, двигался вообще неуклюже, в результате чего и получил не страшный, но весьма кровотоочивый порез бедра. За что наемник получил добавочную и весьма неприятную порцию наказаний. Мария вскрикнула:

– Ах ты, подлец! Забыл, с кем сражаешься?!

Взметнулась в воздух и со вкусом впечатала свой каблук в зубы шустрого левши. Хруст, глухой удар падения тела, и лишь после этого над пустынной площадью понеслись стоны и проклятия раненых.

Хотя не совсем пустой площадь оказалась. Со стороны крепости к месту происшествия быстрым шагом приближалась группа охраны из шести человек во главе с офицером.

Кажется, они не только все прекрасно рассмотрели, но и каждое слово расслышали. Поэтому разбираться с причиной потасовки не стали, а просто некоторое время ошарашенно смотрели, как три воительницы аккуратно, любовно протерли свои шпаги и рапиру и вложили их в ножны. Все четыре парня тоже стояли в полном молчании. Даже раненый лишь отчаянно пытался сжать края кровоточащей раны двумя руками и округлившимися глазами смотрел на созданий, кажущихся еще пять минут назад совершенно безобидными и сказочными.

Именно эта разница в отношении Марию больше всего и обидела:

– Ну вот, то рассыпались в комплиментах, а то слова благодарности от них не дождешься. Девочки, перевяжите нашего провожатого, а то так и кровью истечет. Ну а вы, ребята, чего прибежали? Зрителям билеты не продаются, представление закончено!

Офицер переглянулся с охранниками от такой бесцеремонности, да и слов он явно некоторых не понял, но после короткой паузы постарался говорить властно и строго:

– Любое происшествие вокруг крепости подотчетно нашему гарнизону. Поэтому отчет властям города тоже нам держать. Как мы заметили, эти три наемника первыми спровоцировали ссору, поэтому от вас, уважаемые, теперь зависит мера их наказания. Будете подавать на них жалобу?

– Обойдутся и без такой чести, – фыркнула Катерина, по-

могающая Вере широким бинтом закрыть и стянуть рану на бедре их провожатого. – Тем более что они и так уже наказаны.

Но Мария, присматриваясь внимательно к зашевелившемуся, приходящему в сознание противнику с выбитыми зубами, поинтересовалась:

– А что с ними будет сейчас? Так и останутся здесь умирать от потери крови или их кречи унесут?

– Ну зачем же так, сударыня, – укорил офицер, давая жестом сигнал своим подопечным осмотреть раненых. – Боевые действия закончены, имейте снисхождение. Сейчас за ними прибудет наша повозка, и мы отправим их в лазарет. Потом услуги лечения и нашей помощи ими будут оплачены. Или вы не знали?

– Они – гости столицы, – стал объяснять один из парней. – Только первый вечер в Рушатроне.

– Но судя по вашим беретам, – продолжил офицер обращаясь к девушкам, – вы принадлежите к полку «Южная сталь»?

– А если и так, что это меняет? – вопросом на вопрос ответила Мария.

– Для нас – ничего. А вот такие отчаянные приставалы, – он кивнул на израненных дебоширов, – уже завтра вечером будут радоваться уходу вашего полка к границе с Гадуни.

– Вряд ли мы доставим такое удовольствие, лично мы, скорее всего, останемся.

– Ну что, идти сможешь? – обратилась тем временем Катерина к получившему помощь парню.

– Конечно смогу!

– Тогда давай мы тебя проводим домой, а потом и сами поспешим к южным пейчерам.

– Да что вы! Со мной все в порядке! И как это будет выглядеть? – запричитал парень. – Мы просто обязаны вас проводить к вашей гостинице.

Его друзья горячо поддержали своего товарища, и вскоре вся компания, ведя интенсивную беседу, оказалась на месте. Даже прихрамывающий провожатый словно забыл о своей ране, пытаясь перекричать своих друзей и самому рассказать нечто нужное, веселое и важное.

В общем, проведенным вечером все три красавицы остались более чем довольны. И мастерство фехтования свое проверили на неслабых противниках, и убедились в правильности выбранной линии поведения, и город посмотрели, и массу полезного узнали, и даже относительных приятелей заимели. При этом никто не заподозрил их в иномирском происхождении, и даже неправильный выговор, прорывающиеся странные слова и незнание нужных оборотов не помешали интенсивному общению.

Перед воротами пейчеры, из которых выглядывал с луком в руках дюжий охранник, девушки строго распрощались с парнями, хотя те клятвенно обещали прийти с самого утра и предоставить себя в полное распоряжение гостей столицы.

Пройдя в холл гостиницы, красавицы не двинулись сразу в свой номер, а с довольными улыбками приблизились к стойке.

– Ну что, где наш Борей и почему опять нас не встречает?

На этот вопрос одной из близняшек Емлян смешно пошевелил косматыми бровями и пожал плечами.

– Как?! Его до сих пор нет? – все еще усмехаясь, удивилась вторая идентичная красавица.

– Как видите.

– Не поняла! – Мария напряглась и опасно прищурилась. – Мне кажется, его загул слишком странный.

– Ну, он ведь человек взрослый. – Хозяин гостиницы страшно не хотел скандала именно в это уже довольно позднее время и сейчас очень сильно пожалел, что поддался на уговоры Круста и не рассказал правду девчонкам с самого начала.

– Взрослый? – уцепилась за слово Мария. – Это в каком смысле? У него завелись друзья-собутельники? Или он сам подался по злачным местам столицы?

– Да нет, – с эдакой прострацией во взгляде меланхолично отвечал Емлян. – Борей нам показался вообще непьющим.

– Так, значит, он?..

– Как совершеннолетний, имеет право на все, – каким-то образом умудрялся отвечать наилучшим способом хозяин гостиницы и, кажется, таким двусмысленным утверждением сумел направить мысли воительниц в нужную сторону.

Самая старшая из них явно растерялась и странно поникла, тогда как двойняшки осуждающе посмотрели на ветерана войны со зраками, подхватили свою сестрицу под локотки и, подталкивая, повели в снятый номер. Только и донеслось с их стороны приглушенное:

– Ничего! Пусть только на глаза нам покажется!

– Мы ему такое совершеннолетие устроим!

– Ага! Мало не покажется!

Когда они скрылись в коридоре, Емлян облегченно вытер пятерней пот со лба и пробормотал:

– Не смешно даже! Мне кажется, я людоедов так в молодости не боялся, как этих дикарок. И угораздило же Борею именно в мою гостиницу попасть! Ну, Круст, удружил! Твоя вина – тебе и отдуваться завтра! – Он с опаской посмотрел в сторону прохода во внутренние помещения и благоразумно добавил: – Если ночь пройдет спокойно.

У себя в номере путешественницы в новый мир спать ложиться не собирались. Вначале сходили в купальни, потом еще раз самым тщательным образом пересмотрели все вещи Бориса, пытаясь таким образом понять, куда это он мог пропасть так надолго. Хотя Мария не хотела рассуждать здраво и твердила все время с монотонностью испорченного патефона:

– Этот недоросток возомнил себя самостоятельным и пустился во все тяжкие! Не удивлюсь, если он сейчас тратит

выменянное серебро с местными путанами. – А в подтверждение собственных измышлений приводила весьма веский довод: – Посмотрите: ни одной шоколадки не осталось! И при этом он сам их не ест, зато прекрасно знает, как легко прикормить любую девчонку шоколадом. Голодать он тоже не голодал, здесь кормят как на убой. Так что я его... зашибу!

Близняшки пытались успокоить лидера компании:

– Да что у тебя за мысли такие глупые?

– Больно кому наш Борька сдался даже с серебром.

– Тем более что здравый рассудок он потерять не должен, вон как здорово устроился, еще и про нас все продумал.

– Мне кажется, что он по каким-то делам куда-то подался.

– Точно! Мог ведь и выход обратный на Землю отыскать!

– Ага! Ведь не сидел же он здесь все время сложа руки.

Метку свою поставил.

– А сам другой выход отыскал. Или в другой мир попал!

Машка от таких мыслей нахмурилась еще больше:

– Так почему нам никакого предупреждения не оставил?

Почему вещи не взял? Даже пистолет оставил. Из его вещей на нем только сшитые нами брюки и трусы, все остальное в номере. Причем вон еще целая куча барахла местного купленная. Зачем? Тоже мне, модник нашелся!

– А может, он просто случайно куда попал?

– Разведывал просто.

– Хм! – еще больше обеспокоилась самая старшенькая,

залезая на кровать с ногами, добавляя освещения и раскладывая вокруг себя книги. – Надеюсь, он не забыл главную опасность Пантеона в ночное время? А то завтра утром отыщется без памяти на нашу голову!

– Да нет! Ведь не зря он эти все книги купил и прочитал. – Вера уселась рядом и взяла в руки общую историю с картинками.

– А вдруг не прочитал?

– Машка! Это уже не смешно! А чем он еще тут ночами мог заниматься?

Вера тоже горячо поддержала Катерину:

– Днем наверняка обследовал лабиринт Сияющего кургана, а вечерами штудировал местную историю и правила поведения. Может, даже не выспался, бедненький.

Долгое время все трое молчали, перелистывая книги и бегло прочитывая попавшиеся на глаза абзацы. Потом незаметно перешли к обсуждению некоторых исторических фактов, сопоставлению имеющихся домыслов и составлению логических цепочек. Занятие оказалось настолько интересным и увлекательным, что спохватились лишь далеко за полночь, когда и до рассвета по местным меркам оставалось всего пара часов.

– Всё, девочки, спим! – строго скомандовала Мария, убирая книги на прикроватную тумбочку. – И так наша первая ночь из-за Борьки получилась нервная и напряженная, еще и не выспимся теперь.

– Ну да, – пробормотала Вера, расслабленно откидываясь на подушки. – А ведь еще искать нашего Борейчика с утра вдруг придется.

– А чего искать? – удивилась Катя. – Это ведь только наши предположения, что он заблудился в лабиринте. Может, и в самом деле где-то с новыми друзьями загулял? А утром преспокойно заявится.

Выключая свет, Мария зловеще зашипела:

– Для него же лучше, если он навсегда заблудится в других мирах, чем загуляет с не теми «новыми друзьями».

Разбудил девушек резкий стрекот за дверью и бойкий голос коридорного:

– Завтрак, дамы и господа! Завтрак!

Вставать не хотелось жутко, казалось, что и вообще не спали, и наиболее всех недовольная Катерина предложила:

– А ну его, завтрак! Давайте еще поспим.

– Угу, – только и выдохнула Вера, переворачиваясь на другой бок.

Но именно это легкое сотрясение кровати и вырвало Марию из сонного оцепенения. Иначе она бы тоже провалилась в сон.

– Нет, так не пойдет. – Дотянулась рукой до пластин интенсивности и включила люмен. – Всю жизнь проспять можно.

– Ну ты гестаповка! – хныкала Катя, прикрывая ладошками глаза. – Зачем на полную мощность? Ослепить хочешь?

– Если бы хотела – сразу бы пальцами выколола. Вставайте, сони! Нас ждут великие дела и поиск нашего маленького друга.

– Не пойму, кто тебя больше заводит на великое, – ворчала Вера, натягивая на себя одеяло. – Маленький друг или его умение тебя ублажать?..

– Ну все! – Старшая сестренка пружиной вылетела из кровати и бросилась к рюкзаку, где во фляге имелись запасы воды. – Сейчас устрою визг на всю пейчеру!

Близняшки и секунды не сомневались в том, что сейчас окажутся облиты водой. Поэтому вылетели из кровати с еще большей скоростью. Но одеваясь, только усилили недовольное ворчание:

– И чего тебе неймется?

– Самой не спится, так еще и другим не дает.

– Если так хочется, могла бы и сама своего Борьку искать.

– А мы его и тут неплохождемся.

– «Своего»?! – возмутилась Мария. – Нет, я вас точно сейчас искупаю! Он не мой, он наш! И у нас одна команда! Тем более если выхода отсюда обратно нет, то нам придется здесь долго торчать.

– Вот именно! Отыщем себе парней, поженимся и будем жить припеваючи.

– Ага! Смотри, какой мир чудесный это Трехщитье.

– И волшебство здесь есть! И шуйвы!

– И конка подземная. О! Давайте сразу после завтрака там

осмотримся?

– Нет! Отправляемся в Пантеон! – Мария стояла уже у дверей, уперев кулачки в бока, и теперь с подозрением при-сматривалась к двойняшкам: – Зачем это вы одежду поменяли?

Еще перед походом она просто настояла, чтобы только ей видимые детали одежды помогали отличать Веру от Кати, но те сейчас словно специально поменялись то ли брюками, то ли куртками и теперь вновь не поддавались идентификации. Еще и вид делали, словно у них это случайно получилось:

– Ой, точно! Хи-хи!

– Да и ничего страшного. Мы-то ведь прежние остались.

– Все равно нас никто, кроме Борюсика, не различает, вон даже ты изредка путаешь.

Последнее утверждение звучало явно с издевкой: старшенькая путала точно так же, как и все остальные, постоянно. Но это было единственное право свободы, на которое лисички даже своему лидеру никогда не позволяли замахиваться.

Вот и сейчас ей ничего не оставалось делать, как угро-зить:

– Ничего, вот я одной ухо откушу, а второй нос. И тогда...

– Будешь иметь двоих одинаковых подружек с откушенным ухом и откушенным носом, – в тон продолжила одна из близняшек.

А вторая поинтересовалась, рассматривая свою шпагу:

– Оружие берем на завтрак?

– Не стоит. В харчевне все без оружия. Потом вернемся и как следует вооружимся, – распорядилась Мария, но газовый пистолет Бориса себе в подмышечную кобуру засунула. – За мной!

Сегодня они пришли гораздо позже основной группы постояльцев. Видимо, коридорный производил обход во время уже начавшейся утренней трапезы. Но с другой стороны, в пустой харчевне даже уютнее казалось. Лишь одна пожилая пара неспешно поглощала стопку блинов, запивая их чаем, да молодая женщина из обслуживающего персонала сидела невдалеке и посматривала в сторону гостей.

– Ты смотри, опять эта бесстыжая девка! – ничуть не снижая голоса, фыркнула Мария. – И чего ей надо от нас? Может, оставить ей варенье из наших порций? Слишком голодной она выглядит.

Если Мансана чего и не расслышала дословно, то о сути высказываний догадалась по интонации. Поэтому еле вначале сдержалась, чтобы не вскочить и не вывернуть старшенькой из сестер Борей поднос на голову. Только покраснела сильно да демонстративно отвела взгляд в сторону.

Затем на некоторое время близняшки увели разговор в сторону и принялись обсуждать, как разменять у хозяина гостиницы еще парочку «редчайших» монет на местные аналоги наличности. Все трое перешли на шепот и под конец совещания решили поменять сразу три монетки. Мол, раз

нас трое, то и расходы будут соответственно более высокие.

Поэтому они не могли заметить, как в харчевню заглянул Емлян. Присмотревшись, что гости без оружия, он удовлетворенно провел двумя пальцами по лбу. Дескать, все отлично и по плану. Да еще и жестами дал понять племяннице, что Круст с вашшуной уже в холле гостиницы. Как только завтрак подойдет к концу, так они всем скопом с неприятной вестью и заявятся.

А потом Вера совершенно случайно наткнулась взглядом опять на Мансану и тоже, в свою очередь, громко возмутилась:

– Да она не только за нами следит, но еще и подслушивает! Ухо в нашу сторону истинным локатором стоит!

Что такое локатор, дикие горянки объяснять, конечно, не стали. Зато очень обидно рассмеялись, а Мария еще и добавила:

– Подобные уши как раз и надо клеивать вареньем! Иначе хозяйка может умереть от любопытства.

Конечно, уже такого издевательства от родственниц Борея Мансана стерпеть не смогла. Ломая все данные дяде клятвы и собственные обещания, она с некоторой нарочитой ленцой встала и не спеша приблизилась к столику с хохочущими девушками. Дождавшись, пока те умолкнут, она с самой показной грустью произнесла:

– Бедный Борей! Представляю, сколько он от такой семейки получил издевательств за свой малый рост. От любимой

невесты его отторгли, одного, без знакомств и рекомендаций отправили на край света в столицу. И все для того, чтобы приготовить почву, снять жилье и все разведать для таких вот сестричек.

– Какой любимой невесты? – сузила опасно глаза Мария.

– Это уже в прошлом, не стоит ворошить старые горести диких гор.

– А ты кто такая?!

Девушка дернула плечами и горделиво задрала подбородок.

– Обычная женщина. Хотя в подачках не нуждаюсь, являясь совладельцем этой гостиницы. Да и весь род наш очень богат. Зовут Мансана, мне восемнадцать лет. Несколько дней и ночей я очень счастливо провела с Бореем, а сегодня утром я наведальась к знахарке. И она подтвердила, что у меня от Борея будет ребенок. Остальные ответы на вопрос «Кто я?» додумайте сами. Другие вопросы будут?

На Марию было страшно смотреть. И сил обеих близняшек не хватило, чтобы удержать ее руки прижатыми к столу. Все три подноса с посудой грохнулись на пол, заставляя Мансану испуганно вздрогнуть и начать пятиться назад. А у вскочившей на ноги старшенькой в руках оказалась очень странная металлическая штука, направленная дыркой в лицо отступающей девушки.

– Вопросы? – Голова Марии странно болталась из стороны в сторону. – Какие могут быть вопросы!.. Они все решаются

легко и просто!.. Снимай с предохранителя и стреляй.

Раздались странные щелчки, во время которых одна из двойняшек закрыла уши ладонями, а вторая взвизгнула от страха:

– Машка! Прекрати!

И тотчас со стороны входа послышался грозный мужской окрик:

– Что у вас тут происходит?!

В харчевню вошли старший хранитель Круст, хозяин гостиницы Емлян и одетая в ярко-зеленую тогу властная женщина. Кроме тоги и сандалий на ней был лишь огромный, притягивающий взор медальон на груди.

Но Мария в сторону входа и не посмотрела. Она с недоумением то заглядывала в ствол пистолета, то передергивала затвор, то продолжала нажимать на курок.

Ее фигуру своими телами прикрыли обе близняшки и тараторили, перебивая друг друга и тыча пальцами в сторону кухарки:

– Эта девушка утверждает, что соблазнила нашего брата!..

– Обманом затащила его в постель!..

– Подло воспользовалась его слабостью и беззащитностью.

– И теперь ждет от него ребенка!

– Ее надо сжечь на костре как ведьму!

– И чем быстрее – тем лучше!

Емлян уже стоял возле Мансаны и обнимал ее вздрагива-

ющее от переживаний тело. Он и выкрикнул первым довольно грубо:

– Это моя племянница, и ее в обиду никто не даст!

Тогда как Круст недоуменно воскликнул:

– О каком костре речь!? Что за варварские обычаи! Следите за своими словами, здесь не Пимонские горы!

И только когда заговорила женщина в зеленой тоге, все задышали спокойнее и стали расслабляться только от одного звука чудесного и чарующего голоса:

– Не надо так кричать и взрываться эмоциями. Все прекрасно и хорошо, жизнь продолжается, и ни о каких кострах с ведьмами в Пимонских горах я никогда не слышала. Мало того, все три сестры должны радоваться, что вместо погибшего брата судьба вам даровала племянника либо племянницу и еще одну сестру. Ведь если Мансана и в самом деле носит в себе плод Борея, то отныне она ваша родственница и по всем законам вы просто обязаны защищать как ее, так и ее ребеночка-сиротку.

К тому времени Мария скорее машинально спрятала бесполезный почему-то пистолет в кобуру, обошла двойняшек и, наклонив голову в сторону, стала рассматривать странную женщину. При последних словах она саркастически хмыкнула:

– Что-то я не поняла по поводу сиротки: блудница еще жива, да и ребенок не родился. А что вы там сказали о погибшем брате?

Несмотря на опасность, струящуюся от Марии, вашшуна приблизилась к ней, безбоязненно положила руку на плечо и стала говорить сладкоречиво и утешительно:

– Увы, девочка, бессмертных людей не бывает, и все мы когда-нибудь умираем. Кто раньше, кто позже, но участь всех совершенно одинакова: смерть, тлен и освобождение души для последующих перерождений. Так что ваш брат Борей уже наверняка путешествует в иных мирах, возможно, и в новом, совершенно здоровом теле, а его душа полна восторга и радости.

– Борис погиб?

При этом вопросе девушка присела, словно для прыжка, и Круст на всякий случай сделал несколько шагов в сторону вашшуны. Но та плавно отстранила его свободной рукой:

– Мужайся, его уже нет с нами.

– Где его тело?

– К сожалению, тела его тоже нет. Поздним вечером три дня назад его с пустынной улицы похитили кречи. Приняли за ребенка. Сам момент похищения увидели несколько человек, потом описания одежды с разыскиваемым Бореем совпало идеально. Так что смирись и вытри слезы.

– А я и не плачу, – скривилась Мария, невежливо убирая у себя с плеча руку вашшуны и обращаясь к двойняшкам: – Раз нет тела – нет смерти! А как можно оплакивать живого? – Ее взгляд замер на вздрогнувшей Мансане. – Хотя, может, Борьке и в самом деле лучше было бы погибнуть и оставить

ребеночка-сиротку на попечение судьбы.

Глава восьмая

Приготовления с разведкой

Леонид пыхтел и корпел над компьютером до самой полуночи, даже ужинал, перекусывая на ходу или стоя, непрерывно проверяя и посматривая на уровень загрузки записываемых файлов. Куда и девались его смешливость, врожденное балагурство и умение развеселить в любой ситуации. Ну а для меня его внешность с каждым взглядом становилась все более привычной и естественной.

Спать мы решили прямо на чердаке, благо что несколько матрасов только и оставалось, что раскатать да застелить простынями. Но, несмотря на дикую усталость и мои прошлые бессонные ночи, сразу не заснули, а опять пустились в рассуждения о будущем месте нашего проживания. Пока суровую правду про иные миры я не рассказывал. Мало ли как обернется дело в последние часы нашего пребывания на Земле? Представляю, на что пойдут некоторые «несознательные элементы», если вдруг узнают о конкретном месте перехода между мирами. Да и сама весть об этих мирах для них станет однозначным поводом взрывного меркантильного бешенства.

Поэтому я больше рассказывал в иносказательном смысле, в результате чего у Леонида создавалась в голове все

бóльшая путаница, заставляющая его задавать массу вопросов. Например, его очень заинтересовало количество людей, проживающих в том месте, куда мы собираемся:

– Вначале мне казалось, что там обитает всего несколько отшельников и парочка уникальных знахарей. Ну и там где-то твои подруги тоже обретаются якобы. Но ты столько раз проговариваешься о других людях и даже о какой-то гостинице, что теперь мне там представляется целый поселок. Если не город.

– Ну и что тебя смущает? Или у тебя фобия против урбанизации?

– Да нет, скорее наоборот. Но у меня точно фобия против многочисленного рассматривания толпами моего лица, когда оно без грима и когда я нахожусь вне арены.

– Сочувствую, но тут уже ничем, кроме обещания в будущем уничтожить твои шрамы, помочь не могу.

– Да я понимаю. Но можно ли будет в тех местах носить маску?

– Какую маску? – удивился я. – Боевой раскраски спецназовца?

– Да нет, у меня есть из мягкой замши, под цвет тела. – Мэтр достал из кармана своей курточки небольшой пакетик, из него – некое подобие снятой кожи лица с дырками для глаз, носа и рта. – Вот, сам сделал.

Затем быстро надел на лицо и закрепил на затылке натянутыми резинками. Смотрелось вполне сносно, хотя и сразу

бросалось в глаза, что это маска.

– И как? Не смешно?

– Ну, по крайней мере, во много раз не смешнее, чем раньше, – сказал я истинную правду. – Но почему ты себе лучшую маску не подобрал? Видел, какие у артистов есть? Любое лицо получается.

– Да с ними только в кино и сниматься. И лишь короткое время. Лицо так потеет, что умереть можно. Ну и самое главное, Мохнатый мне раньше запрещал под страхом убийства ношение любых масок. Утверждал, что артист должен гордиться своей внешностью. Я и эту сделал втайне от всех.

– Вот и молодец! В том городе-поселке можешь ею пользоваться постоянно, а может, и еще чего лучше придумаем. Меньше будешь к себе привлекать ненужного внимания. Да и здесь наденешь, когда будем выходить с подворья с рюкзаками.

С самым способом похода Леонид тоже никак не мог смириться:

– Что, вот так и пойдем пешком далеко-далеко?

– А что с нас станется? И не далеко пойдем, а очень-очень далеко. Или ты привык только на джипах ездить?

Он с сомнением осмотрел мое маленькое тело и пожал плечами:

– Я-то дойду куда угодно, но если можно транспортом часть пути проехать, то какой смысл ноги трудить?

– Ничего. Смысл поймешь, когда на место доберемся. – К

тому времени у меня глаза стали слипаться от усталости. – Спим. Завтра остальные детали обсудим.

На рассвете приехали родители, расстаравшиеся по моему списку почти на сто процентов. Причем привезли они и свежие новости, о которых мы просто и знать не могли из-за отсутствия Интернета и телевидения. А радиоточку в этом доме испокон веков игнорировали.

– На дорогах полное безобразие творится! – жаловался отец. – И ведь ищут джип, а все равно мою ласточку раз десять останавливали. А все из-за того пожара в соседнем крае. Около пятидесяти человек погибло, в том числе и супруга губернатора. По всей стране поднялся переполох, всю трагедию на лица кавказской национальности списывают. Розыск на десяток человек объявили, но среди них есть два человека, совсем на чеченцев не похожие.

– А вы откуда знаете? – вырвалось у меня.

На что обеспокоенная мать возмущенно фыркнула:

– Ну, про знаменитого клоуна, которого похитили якобы поджигатели и который, по другим источникам, числится в злоумышленниках, на каждом углу трубят и по всем каналам телевидения показывают. Лёнин портрет и фото теперь всей стране известны. – Она повернулась в сторону Леонида, как бы сличая в памяти его внешность с кадрами телевизионной программы. Потом со вздохом перевела взгляд на меня: – Ну а второго объявили в розыск карлика. Но там фоторобот изобразил вообще какого-то уродца, и на тебя он совсем не

похож.

– Это я удачно не успел выступить на большой сцене.

Из моих уст данное утверждение прозвучало как хвастовство. И мой новый товарищ сразу подхватил шутку:

– Рано тебе еще до большой сцены, не дорос.

– Все смеетесь? – Отец за улыбкой скрывал собственное волнение. – А ведь вас и в нашей глухой Лапе могут вычислить.

– Вот потому и уходим за тридевять земель в тридешатое царство, – обрадовался я. И тут же вспомнил о своем возможном излечении: – Кстати, уже обратно я могу вернуться вполне нормальным по росту парнем. Так что прошу не пугаться и не паниковать, если к вам ползет обниматься и целоваться какой-то незнакомец.

– Мм? И когда такое может случиться? – побледнела мать от переживаний. – Верится в подобную сказку с трудом, но что мне теперь, к каждому парню в глаза заглядывать?

– Зачем так заранее беспокоиться! – воскликнул я, припоминая, каким образом в Трехщитье выражают восхищение или одобрение. – Перед тем как подойти, я громко три раза кашляну, а потом проведу двумя пальцами левой руки по подбородку вот так, а правой – по лбу. Это и будет условным сигналом: можно смело обниматься и «сказанному верить».

Судя по слишком озабоченным лицам родителей, они очень хотели верить в мое грядущее выздоровление и в связи с этим готовы были не только к возможным трудностям,

но к длительному расставанию. Хотя сроки мать пыталась уточнить с маниакальным упорством:

– Так какие сроки твоего выздоровления?

– Ой, ма! Сама знаешь, что подобные вещи быстро не происходят. Может, год пройдет, а может, и все десять. – Я припомнил, что Мансана явно не собиралась ждать моего вырастания целых десять лет, и сам себе категорически возразил: – Да нет! По поводу десяти – это я загнул. Но на два, а то и три года лечение может затянуться.

– Ничего. – У матери на глазах появились слезы. – Мы сколько угодно готовы ждать.

– Вот и хорошо!

Я чмокнул ее в щеку и побежал на чердак за приготовленными ночью дисками. Лучше интенсивно двигаться, чем наблюдать, как кто-то плачет, а ты ничем не можешь помочь. Особенно если плачет близкий и родной человек.

Затем мы с Леонидом с головой ушли в сборку, изучение и испытание арбалетов. Оружие и в самом деле оказалось настолько совершенным и удобным, что при определенной сноровке и желании из него мог стрелять даже пятилетний ребенок. Ко всему прочему еще и оптический прицел удалось прикупить с инфракрасной подсветкой. Крепился он на любой из арбалетов, так что при необходимости можно было вести прицельную стрельбу даже в беспросветной ночи.

Испытать оружие нам тоже было где. Как на заднем дворе по мишени, так и при стрельбе по нежилому дому, отстояще-

му на задах метров на двести пятьдесят. Стреляли мы никому не видимые ни с улицы, ни с остальной деревни, а смотреть на результаты да вырезать болты из бревенчатой стены могли бегать сколько угодно. За высокой порослью кукурузы нас и видно-то не было. Результаты получались впечатляющими, хотя сразу бросалась в глаза разница между моими выстрелами и Леонида. Без ложной скромности я сразу возгордился, что стреляю из любого арбалета раза в три лучше моего нового напарника. Главное, было предварительно верно определить расстояние до цели и правильно выставить планку прицела, а все остальное получалось на одном выдохе. Руки не дрожали, глаз не слезился, сопли отсутствовали, и даже самому часа через три казалось, что стрелял я из подобного оружия с самого детства.

Ближе к обеду родители уехали в город, Леонид завалился спать, потому что так и не выспался за пару часов, а я, чувствуя во всем теле кипучую энергию, славно пообедал и вновь подался в лес на разведку. Да и на башню решил взглянуть хоть одним глазком. Без багажа это сделать будет намного проще и безопаснее. А на случай нежданного столкновения с Грибником захватил трофейный пистолет. Сомнений у меня по поводу его применения не возникало: на пути в мир Трех Щитов никакая преграда меня не остановит. Тем более что данные газовые патроны не смертельные, отдохнет немного опасный ходок меж мирами да и дальше пойдет. Другой вопрос, что если я сейчас загляну в него и постреляю,

то в следующий раз уже точно с боем прорываться придется. Не лучше ли вообще пока в Дикий не заглядывать?

С такими сомнениями я нарезал с десятков кругов около заветного дерева, заглянул чуть ли не под каждый кустик, прощупал палкой чуть ли не каждую удобную для засады ложбинку и только тогда отважился на переход. Причем решил сразу на выступе башни развернуться и в случае опасности шагнуть обратно на Землю. Может, и стрелять не придется в случае нахождения кого-либо на площадке. Но пистолет в руку взял, изготовил его к стрельбе, внимательно огляделся по сторонам в последний раз и с решительным выдохом отправился в Дикий мир.

Глава девятая

Разборки продолжаются

Когда все три горянки отправились к себе в номер, оставшиеся в общем зале харчевни дружно вздохнули с облегчением. Даже пожилая пара, на которую никто до этого времени не обращал внимания, схватила свои кружки с остывшим чаем и, громко глотая, опустошила до дна. У них тоже в горле пересохло.

Круст подергал своими широченными плечами, словно расслабляясь, и с уважением обратился к вашшуне:

– Даже не представляю, что бы мы без тебя делали! От этой старшенькой только искры и пламя в стороны не брызгали от злости и бешенства. А уж какой-то печали или тоски в ее поведении я вообще не заметил.

– Все оттого, что она не верит в смерть Борея. – Женщина несколько рассеянно поправила на своей груди отличительный медальон и призналась: – И моей заслуги в сдерживании этих горянок нет. Насколько я поняла, все мои внушения и жесты успокоения на них не подействовали.

– Как?! Разве такое бывает?! – воскликнул Емлян.

– А ты что, меня за все сильного шуйва считаешь? – рассердилась вашшунa. – Может, на них куча амулетов навешана, против которых я бессильна?! Может, они сами какие-то

пимонские колдуньи?! Мало ли чего в тех горах может быть! Да и Заозерье таинственное возле них совсем рядом, а мы о нем ничегошеньки не знаем. Знала бы, что здесь такие девицы яростные и неподдающиеся, я бы еще парочку сестер с собой пригласила. А теперь и не знаю, что у этих дикарок на уме.

– А ты уверена, что они такие уж дикарки? – многозначительно спросил Круст.

– Скорее, наоборот. Такое впечатление, что они как минимум воспитывались в знатной семье и жили в какой-нибудь столице. И ощущение, что они чужды нашему миру. Жаль, я не видела этого Борей, мужчины для меня более «прозрачны» и в помыслах, и в поступках.

Старший хранитель напомнил:

– Смотря какие мужчины! Паренек ведь успел получить при жизни благословение лобного камня и прослушал музыку торжественного гимна. Так что можно смело утверждать: он и его сестры на все сто процентов выходцы нашего мира, а что говорят так плохо и неправильно – это уже другой вопрос. Чтобы его решить, надо самим побывать в Пимонских горах или отыскать в Рушатроне выходца из тех мест.

Заплаканная Мансана резко всхлипнула в последний раз и добавила:

– Борей утверждал, что у него важная встреча с земляком. Значит, хоть один таковой в нашей столице имеется. Может, поискать?

Стали обсуждать это предложение, хотя особого смысла кого-то искать и что-то перепроверять не видели. Попутно с этим обсуждением напились принесенных второй кухаркой соков и переместились в холл гостиницы. И как раз вовремя. Четверо парней, облаченных в самые парадные и модные одежды и украшенных дорогущими комплектами поясов с оружием, вошли внутрь и стали интересоваться:

– Мы вчера договорились встретиться с тремя воительницами, которые обитают в этой гостинице, и провести для них экскурсию по Рушатрону. Для таких великих мастеров воинского искусства мы специально даже посещение императорского дворца запланировали и уже договорились с кем следует. Но время завтрака уже прошло, а их все еще нет. Не подскажете, как их можно увидеть?

При этом посетители, один из которых сильно прихрамывал, не знали, к кому конкретно обращаться, хотя по рангу общественной значимости больше смотрели на вашшуну и старшего хранителя. Колдунья и ответила:

– К большому сожалению, все три гостя этой пейчеры только что получили печальное известие о гибели своего брата. И сейчас девушки в трауре. Так что вряд ли они вспомнят о запланированной экскурсии.

Все четверо парней дружно поникли, сочувственно покивали головами и уже стали поворачиваться на выход, когда Круст спросил:

– А как вы с ними познакомились и почему с таким вос-

торгом утверждаете, что они воительницы?

– Как?! Разве они вам ничего не рассказали? Скромницы.

И посетители, дополняя по очереди описание вчерашних событий деталями, красочно расписали великолепный поединок воительниц с тремя, по всем понятиям, опытными и гораздо более старшими наемниками. При этом парни совершенно не скрывали свое совсем не геройское поведение, утверждая напоследок:

– Даже при всем нашем желании самим помахать оружием мы просто ничего не успели сделать. Настолько все атаки и уколы оказались молниеносными и эффективными. Можно смело утверждать, что все три девушки могут считаться в десятке самых лучших фехтовальщиков нашей империи.

После таких слов в холле повисла напряженная тишина, и топот трех пар каблучков из коридора, ведущего во внутренние помещения, слышался слишком уж явственно. И почему-то все без исключения догадались, кто сейчас здесь появится.

Угадали. Но все равно удивились. Теперь на девушках была несколько иная одежда. При всей своей инородности в деталях, общий комплект сразу выдавал намерения своих носителей отправиться на войну немедленно. Да и золотистые береты теперь смотрелись как окончательный штрих в завершении именно боевой экипировки. И тем не менее вся общность стиля так и притягивала взгляд своей красотой, оригинальностью и изяществом.

Все три красавицы приблизились к Емляну, и Мария протянула ему три монеты Заозерья:

– Хотим разменять на серебро. Сможете помочь?

Тот лишь кивнул, забрал монеты и отправился в свою закрытую от посторонних взглядов подсобку. Тогда как старшая из трех сестер продолжила, обращаясь в первую очередь к Кусту и стараясь при этом не смотреть на Мансану:

– Надеюсь, вы понимаете наши чувства и простите нашу несдержанность в поведении. Приносим наши извинения всем, кого ненароком оскорбили или обидели вырвавшимся словом. Тем более что лично вашей вины в пропаже нашего брата нет совершенно. Скорее, его безответственное поведение – это итог неправильного воспитания в нашей семье. Но! Нам бы очень хотелось узнать в мельчайших подробностях о каждом часе, проведенном Бореєм в Рушатроне, в Сияющем кургане и в этой самой пейчере. Прошу понять нас правильно и пойти навстречу в этом желании. Нам ведь потом тоже предстоит отчитаться перед нашими родителями, другими родственниками и наставниками. Для этого Катерина останется здесь и с должным смирением и уважением выслушает ваши рассказы. Ну а мы с Верой, – она повернулась в сторону прибывших парней, – собираемся немедленно навеститься в расположение полка наемников «Южная сталь». Не сможете добраться туда как можно быстрее?

Все четверо молча лишь приложили правую ладонь к сердцу и решительно кивнули. И без слов было понятно, что

они выполняют любое повеление, просьбу и даже пожелание своих новых приятельниц.

Поэтому Вера сразу подошла к ним, приглашающим жестом указала в сторону выхода и уже на ходу более тихим голосом стала интересоваться:

– Только как быстрее всего туда добраться? Может, мы где-то арендуем верховых лошадей?

Тогда как вашшуна, уже примерно догадываясь о дальнейших действиях решительных горянок, поинтересовалась:

– Если не секрет, зачем вам полк наемников «Южная сталь»?

– Не секрет, – отчеканила Мария. – Мы вчера узнали, что уже после обеда полк отбывает к северным границам для борьбы со зроаками и кречами. Думаю, мы успеем влиться в ряды наемников.

– Сомневаюсь. Там на каждое место тысячи желающих. И надо заблаговременно проходить массу испытаний и проверок на выносливость.

– Нас это не пугает. Тем более что наша школа фехтования несоизмеримо выше общевойсковой.

Судя по тому, как вашшуна и старший хранитель скептически улынулись, в такое неожиданное пополнение полк а они не верили совершенно. И даже собирались убедительно поговорить на эту тему, но тут как раз вернулся Емлян с тремя мешочками денег. Мария поблагодарила при получении, затем один мешочек отдала Катерине и напонила:

– Если мы задержимся, ты знаешь, что надо купить в первую очередь.

И, ни с кем не прощаясь, бросилась догонять Веру, уже вышедшую с парнями из гостиницы. А Катерина вначале приблизилась к Мансане и с доброй, материнской улыбкой притронулась к ее локтю:

– Не сердись на нас, хорошо? Тебе вредно волноваться и надо себя беречь. Поэтому просто пока присядь и спокойно меня дождись. После чего, если ты не против будешь, я бы хотела с тобой поговорить и побывать у тебя в гостях. Пригласишь?

Недоверчиво посматривающая на горянку девушка недоуменно пожала плечами, но тут же согласно кивнула.

– Ну вот и отлично. Потому что вначале я бы хотела поговорить с господином Крустом. – Катерина двинулась к старшему хранителю с милой, просительной улыбкой. – Надеюсь, вы не откажетесь рассказать, как вы встретились с Бореем и что он вам при этом говорил?

– Сожалею, но уже давно пора спешить в Пантеон. – Круст и в самом деле только сейчас спохватился, насколько он неоправданно задержался в пейчере. Но вроде как и просьбу горянки отбрасывать было неудобно. – Да там и вспоминать особо нечего.

– И все-таки?

– Но мне надо уже идти.

– Я с удовольствием вас провожу, и мы поговорим на ходу.

Согласны?

При всей мягкости просьб и как бы необязательном их выполнении чувствовалось, что Катерина все равно не отвяжется от хранителя и выпытает все, что ей нужно. Поэтому Круст решительно кивнул, поспешно поблагодарил вашшуна за помощь и быстрым шагом отправился к своему основному месту работы. Воительница легкой тенью понеслась за ним следом.

А Емлян и вашшуна, проводив взглядами ушедших, приблизились к сжавшейся на диванчике Мансане. Под буравящим взглядом колдуньи хозяин гостиницы обратился к своей племяннице более чем строгим голосом:

– Так ты и в самом деле беременна?

Глава десятая

Палки в колесах

В тот момент, когда я воспользовался переходом в Дикий, там, по моим расчетам, время приближалось к рассвету. Ну а в мире Трехщитья – к обеду. Второй переход я совершать не собирался, зато время суток на башне высчитал правильно. Может, меня это и спасло, потому что как раз перед рассветом любому постовому или дозорному спать хочется больше всего. А может, и еще по какой-то иной причине, но после моего возникновения на уступе голова странного чудовища с закрытыми глазами так в мою сторону и не повернулась.

Зато мои глаза раскрылись до предела, быстро привыкая к полумраку, а рука с пистолетом непроизвольно стала подниматься для выстрела. Светила только одна местная луна, но и ее света хватало достаточно, чтобы отчетливо рассмотреть восседающую на краю башни, на одном из ограждающих блоков, огромную птицу. Общим ростом под два метра, толстенная, словно бочка, облепленная белыми перьями и с гигантским, больше, чем моя рука, чуть изогнутым клювом. Этот предмет явного убийства, светло-коричневого оттенка, и заморозил меня своим видом более всего. С каким-то ступором я всматривался в этот клюв, видел две огромные дырки в его основании и даже в полной тишине отчетливо услы-

шал, как через эти дырки входит и выходит воздух. Огромная туша птицы дышала спокойно и размеренно, и я догадался, что она спит. Ну или дремлет. Но собственный мой ступор так и не проходил, хотя глаза уже заметили и еще нечто оригинальное, с металлическим блеском, на теле этого странного создания.

А вот больше рассмотреть мне ничего не удалось. Ибо дыхание чудовища стало неровным, прерывистым, а глаза, размером в большую тарелку, раскрылись со звуком лопнувших пузырей и уставились в мою сторону. Вероятно, нюх у этой пернатой оказался преотменным, и она элементарно почувствовала мой запах.

И только массивные крылья стали раскрываться, а корпус летающего монстра чуть качнулся вперед, как я стал стрелять. Хороший пистолет оказался, без осечек сработал. Но больше всего помог объемный магазин на двенадцать патронов. Выстрелял все до единого, потому что разворачиваться и убежать на Землю мне показалось еще более опасным, мог не успеть.

После первого выстрела голова птицы чуть дернулась назад, возвращая и тело в прежнюю позицию. Хотя крылья и продолжили раскрываться. Где-то после пятого чудовище вновь качнулось вперед и сделало первый шаг по парапету. После десятого выстрела попыталось сделать второй шаг, но это получилось слишком уж неуверенно. Когтистая лапа со скрежетом соскользнула с камня, все тело качнулось, полу-

чая в голову последние два выстрела, и камнем рухнуло вниз. При этом раскрывшееся полностью крыло так обдало меня воздухом, что я и сам чуть в пропасть, таящуюся у меня под ногами, не свалился. Только и смог, что, покачиваясь и с трудом удерживая равновесие, развернуться, сдерживая дыхание из-за приближающегося облака газа, и шагнуть на Землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.